УМЧАВШІЕСЯ ГОДЫ.

(Изъ моихъ воспоминаній.)

I.

По словамъ покойной матери, не довѣрять которымъ нѣтъ основанія, родился я 6 апрѣля 1834 года въ городѣ Пензѣ, на Московской улицѣ, въ домѣ Ильи Алексѣевича Очкина. По случаю трудныхъ родовъ появился я на свѣтъ на половину синимъ, т.-е. наполовину парализованнымъ, а такъ какъ и подъ старость меня постигла та же участь, то, слѣдовательно, русская пословица: «какимъ въ колыбельку, такимъ и въ могилку», — сбылась со мной какъ нельзя лучше.

Дѣтство провелъ я въ родовомъ имѣніи своего отца Пензенской губерніи, Инсарскаго уѣзда, въ селѣ Никольскомъ, Ожга тожъ. Имѣніе въ смыслѣ доходности не отличалось, такъ какъ состояло изъ песчанаго грунта, дававшаго плохіе урожаи. Когда-то у отца былъ винокуренный заводъ, но завода этого я уже не засталъ, а помню только его печальныя развалины. Итакъ, въ хозяйственномъ отношеніи село Никольское было незавидное, но за то оно отличалось красивыми мѣстоположеніями, которыя до сихъ поръ ясно рисуются въ моей памяти. Господскій домъ съ мезониномъ и двумя балконами—верхнимъ и нижнимъ—помѣщался какъ разъ на берегу огромнаго пруда и отдѣлялся отъ послѣдняго небольшимъ садомъ. Прудъ, поросшій мѣстами густыми камышами, изобиловалъ и рыбой, и всевозможной дичью, и на этомъ-то пруду, будучи юношей, я пристрастился къ охотѣ. Спишь, бывало, на верхнемъ балконѣ и слышишь кряканье дикихъ утокъ, крики чибисовъ и свистъ всевозможныхъ куликовъ... А чуть займется заря, ужъ я бѣжалъ съ ружьемъ въ рукахъ на берегъ пруда и начиналъ охоту. Окрестности села Никольскаго были тоже очень живописны, въ особенно-

сти мнѣ нравился прудъ, раздѣлявшій нашу усадьбу отъ чугунно-литейнаго завода господина Манухина. Прудъ этотъ тянулся версты на четыре и со всѣхъ сторонъ былъ окруженъ сосновымъ лѣсомъ. Ежели читатель помнитъ мои разсказы *Забытая усадьба*, *Французъ и помѣщикъ Баклажановъ*, то онъ находилъ въ нихъ описаніе этого пруда.

Первымъ учителемъ русской грамоты былъ приходскій дьяконъ Алексѣй Кузьмичъ Ласточкинъ, который, приходя ко мнѣ на урокъ, каждый разъ рекомендовался такимъ образомъ: «Чикъ-Перевичъ Алексѣй Кузьмичъ господинъ Ласточкинъ». Фраза эта до сихъ поръ запечатлѣлась въ моей памяти, а также и невзрачная фигура самого дьякона. Это былъ мужчина довольно высокаго роста съ рыжими густыми волосами, краснымъ носомъ и веснушчатымъ лицомъ.

Удачно ли шли наши занятія, я не помню, но помню, что мать, за что-то разсердившись на дьякона, отказала ему отъ уроковъ и вмѣсто него сталъ пріѣзжать ко мнѣ изъ уѣзднаго города Краснослободска учитель тамошняго уѣзднаго училища крайне суроваго, сердитаго вида. Учителя этого я боялся какъ Богъ знаетъ чего и чуть не со слезами на глазахъ вспоминалъ своего дьякона. Это былъ мужчина высокаго роста съ длинными ногами, которыми всегда, сидя на стулѣ, неистово качалъ, съ нависшими бровями и суровымъ выраженіемъ лица. Пріѣзжалъ онъ обыкновенно на телѣгѣ, запряженной тройкой лошадей, съ трудомъ выбирался изъ этой телѣги, кряхтѣлъ, морщился, а увидавъ меня, выбѣгавшаго къ нему на встрѣчу, сурово кивалъ головой и дѣлалъ рукою знакъ, чтобъ я отправлялся въ классную комнату. Этотъ-то учитель и научилъ меня русской грамотѣ. Помимо этого господина, состоялъ при мнѣ дядька, нѣмецъ Андрей Карловичъ Трумхеллеръ. Трумхеллеръ былъ колонистъ Саратовской губерніи и явился онъ къ намъ, какъ теперь помню, въ сюртукѣ изъ толстаго зеленаго сукна, какимъ въ настоящее время обыкновенно обиваютъ двери, съ плисовымъ чернымъ воротникомъ и, отрекомендовавшись, поцѣловалъ у матери руку, а меня ласково потрепалъ по щекѣ.

Этотъ Трумхеллеръ пришелся мнѣ по сердцу, такъ какъ былъ еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ. Онъ охотно бѣгалъ со мной, игралъ въ лапту, въ горѣлки и охотно раздѣлялъ со мною всѣ мои дѣтскія шалости.

Отца я помню смутно. Помню только, что онъ былъ громаднаго роста, сырого тѣлосложенія и отличался замѣчательною силой. Онъ сгибалъ пальцами цѣлковый, разламывалъ тарелки двумя руками

и останавливалъ за колесо телѣги, запряженныя въ одну лошадь. Ходилъ онъ обыкновенно въ халатѣ, громко кашлялъ, часто закашливался и, закашлявшись, обыкновенно спѣшилъ въ какой-нибудь уголъ комнаты и принимался плевать. Помню, какъ однажды зимой онъ посадилъ меня съ собой въ сани и, выѣхавъ на прудъ, травилъ зайца, котораго предварительно охотникъ привезъ въ мѣшкѣ. Вообще, отецъ мой былъ страстный охотникъ: и борзятникъ, и ружейникъ.

Потомъ я помню его смерть. Какъ лежалъ онъ на смертномъ одрѣ и какъ благословлялъ меня. Эта печальная картина врѣзалась мнѣ въ память, и я какъ теперь смотрю на нее. Отецъ мой былъ женатъ два раза. Въ первый разъ на Авдотьѣ Васильевнѣ Олферьевой, отъ которой имѣлъ сына Андрея, а второй разъ на моей матери, Анастасіи Юрьевнѣ Бибиковой, съ которою и прижилъ двухъ сыновей: меня и брата Александра Александровича. Когда онъ умеръ, мнѣ было лѣтъ пять-шесть, и потому матери пришлось возиться съ двумя сыновьями. Братъ мой родился тремя годами позже меня, но я, несмотря на этотъ младенческій возрастъ, отлично помню, какъ меня ввели въ дѣтскую и, указавъ на колыбель, въ которой лежалъ братъ, объявили, что вотъ Господь послалъ мнѣ брата. Помню, что братъ мнѣ крайне не понравился, что былъ красенъ, какъ ракъ, почему я и просилъ закинуть его въ прудъ. Братъ Андрей во время моего ранняго дѣтства съ нами не жилъ, такъ какъ состоялъ на службѣ въ какомъ-то уланскомъ полку. Но онъ пріѣзжалъ въ Никольское и всегда приводилъ меня въ восхищеніе своимъ красивымъ уланскимъ мундиромъ. Помню, какъ однажды пріѣхалъ онъ на Крещеніе и во время водосвятія, совершавшагося на пруду, несмотря на сильный крещенскій морозъ, присутствовалъ во время этой церемоніи въ одномъ мундирѣ. Братъ Андрей пожилъ однако недолго, оставивъ послѣ себя двухъ дѣтей: сына Александра и дочь Екатерину, впослѣдствіи вышедшую замужъ за инженера Борейша. Но и та уже померла. Такъ что послѣ брата Андрея не осталось никакого потомства.

Мать моя тоже была сиротой. На такъ какъ отецъ ея, Юрій Богдановичъ Бибиковъ, былъ въ свое время какимъ-то важнымъ генераломъ, то мать моя и воспитывалась на счетъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны и вмѣстѣ со своею родною сестрой, Маріей Юрьевной Бибиковой, по распоряженію той же Императрицы, была подъ опекой графа Александра Христофоровича Бенкендорфа и воспитывалась на казенный счетъ въ Смольномъ монастырѣ. Въ описываемое время фамилія Бибиковыхъ была въ милости. Дмитрій Гаври-

ловичъ Бибиковъ былъ потомъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, а родной братъ его, Илья Гавриловичъ,—виленскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ. Помню, что въ дѣтствѣ у матери былъ процессъ съ какимъ-то Севастьяновымъ, и процессъ этотъ былъ рѣшенъ не въ пользу матери, вслѣдствіе чего мы должны были лишиться всего имѣнія. Тогда мать моя поѣхала въ Петербургъ и взяла меня съ собой. Поѣхала она къ своему бывшему опекуну, Бенкендорфу, который въ то время былъ, кажется, шефомъ жандармовъ. Бенкендорфъ ласково принялъ насъ и посовѣтовалъ матери обратиться къ императору Николаю Павловичу, что она и сдѣлала. Помню радость матери, когда результатомъ этого прошенія было то, что рѣшеніе суда найдено было неправильнымъ, а прошеніе было возвращено съ Высочайшею резолюціей: «Утѣшить вдову Салову и дѣло пересмотрѣть». Искъ Севастьянова найденъ потомъ неправильнымъ.

Помимо нѣмца Трухмеллера былъ у меня еще гувернеромъ французъ мосье Поле, называвшій себя sous-lieutenant de la grande armée. Но француза этого я помню очень мало. Помню только, что онъ отлично ходилъ на ходуляхъ, чѣмъ и пугалъ горничныхъ дѣвокъ. А меня бралъ на охоту въ качествѣ лягавой собаки. Я носилъ ему его патронташъ, ягдташъ и лазалъ въ воду за убитой имъ дичью. Французъ этотъ жилъ у насъ очень недолго и за какую-то скандальную исторію былъ уволенъ матерью отъ занимаемой имъ должности.

Съ братомъ Александромъ Александровичемъ я провелъ дѣтство вмѣстѣ, такъ какъ разница въ лѣтахъ между нами была незначительная—три съ половиною года. Воспитывали насъ на спартанскій манеръ, почему мы и не хворали, по крайней мѣрѣ, я, сколько мнѣ помнится, доживъ до старости, никогда серьезно не болѣлъ. Насъ не держали въ хлопкахъ и выросли мы не тепличными растеніями, а просто-напросто такими же неизнѣженными, какими растутъ деревенскія дѣти. Помню, что зимой насъ одѣвали въ заячьи шубки, крытыя зеленымъ атласомъ, на ноги надѣвали валенки, а на голову ваточныя шапки, крытыя такимъ же зеленымъ атласомъ. Въ такихъ-то неприхотливыхъ костюмахъ мы въ трескучіе морозы лазали по снѣжнымъ сугробамъ, катались съ ледяныхъ горъ и даже не чувствовали холода. Докторовъ въ то время не было, а былъ фельдшеръ Поликарпъ Ивановичъ при чугунномъ заводѣ Манухина, который въ случаѣ надобности и лѣчилъ насъ. Но прибѣгали къ его помощи весьма рѣдко, довольствуясь домашними средствами, какъ-то: липовымъ цвѣтомъ и горчичниками.

Сосѣдей у насъ было мало. Самымъ ближайшимъ былъ Манухинъ, къ которому мы ѣздили очень часто, и затѣмъ Платонъ Богдановичъ Огаревъ, отецъ извѣстнаго поэта Николая Платоновича Огарева. Старика Огарева я не помню, но сына его помню отлично, такъ какъ часто встрѣчался съ нимъ въ селѣ Яхонтовѣ въ домѣ моего опекуна Алексѣя Алексѣевича Тучкова, на дочери котораго, Наталіи Алексѣевнѣ, поэтъ Огаревъ впослѣдствіи женился. Но встрѣчался я съ нимъ недолго, такъ какъ онъ навсегда оставилъ Россію. Будучи ребенкомъ, я, конечно, не могъ достаточно оцѣнить Огарева, какъ поэта, но все-таки почему-то чувствовалъ къ нему симпатію, несмотря даже на то, что отзывы о немъ были крайне для него неблагопріятные: его осуждали, что онъ занимается такими пустяками, какъ сочинять стишонки, что это совсѣмъ не дворянское дѣло и что лучше было бы, еслибъ онъ, вмѣсто этихъ стиховъ, занялся своимъ имѣніемъ. Имѣніе это называлось село Акшино, и когда намъ съ матерью случалось проѣзжать мимо, мы почему-то всегда останавливались въ господскомъ домѣ, въ которомъ никого изъ господъ не жило. Это была старинная барская усадьба, тонувшая въ густой тѣни стариннаго парка. Я отлично помню огромный залъ съ хорами, на которыхъ когда-то гремѣлъ крѣпостной оркестръ музыки, и тотъ громадный паркъ, въ которомъ когда-то молодой Огаревъ писалъ свои стихи. Въ концѣ парка протекала рѣка, и вотъ про эту-то самую рѣку поэтъ писалъ когда-то:

А тамъ, на берегу рѣки,
Гдѣ цвѣлъ тогда шиповникъ алый,
Одни простые рыбаки
Ходили въ лодкѣ обветшалой...

И все, что было тамъ говорено
И сколько пережито,
Осталось для людей сокрыто
И на вѣкъ погребено...

Послѣ, когда я настолько выросъ, что сталъ понимать прелесть поэзіи, я, бывая въ Акшинѣ, всегда убѣгалъ на эту рѣку, садился на берегъ и какъ будто переживалъ то же, что переживалъ когда-то самъ Огаревъ.

Нѣсколько лѣтъ послѣ этого село Акшино, помнится мнѣ, перешло во владѣніе Николая Михайловича Сатина, извѣстнаго переводчика Шекспира. Огаревъ и Сатинъ были женаты на родныхъ сестрахъ Тучковыхъ: жену Сатина звали Елена Алексѣевна, а жену Огарева—Наталья Алексѣевна.

Сатина я помню тоже очень хорошо. Это былъ видный и красивый мужчина: высокаго роста, съ длинными волосами на головѣ, блѣдно-матовымъ лицомъ и изящною бородкой. Онъ первый выучилъ меня пить шампанское.

Въ трехъ верстахъ отъ Никольскаго былъ такъ называемый Акшинскій винокуренный заводъ, принадлежавшій Огареву. Сатинъ часто бывалъ на этомъ заводѣ, и вотъ тамъ-то я и встрѣчался съ нимъ. Пріѣзжалъ онъ туда, конечно, по хозяйству, такъ какъ Огарева уже въ Россіи не было, но это нисколько не мѣшало Сатину заниматься переводами Шекспира, и, помнится мнѣ, онъ какъ разъ въ это время переводилъ *Бурю*.

Сатинъ также, какъ и Огаревъ, не пользовался расположеніемъ тогдашняго общества, и про обоихъ про нихъ отзывы были самые неблаговидные: ихъ осуждали и за писаніе стиховъ, и за переводы, и за бороды, носить которыя въ то время было запрещено.

Точно такую же бороду носилъ и мой опекунъ, Алексѣй Алексѣевичъ Тучковъ, бывшій въ то время уѣзднымъ предводителемъ инсарскаго дворянства.

Въ селѣ Яхонтовѣ, въ домѣ у Тучкова, я встрѣчалъ брата его, Павла Алексѣевича Тучкова, впослѣдствіи сдѣлавшагося московскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ.

Тамъ же встрѣчался я и съ Анной Алексѣевной Тучковой, родной сестрой моего опекуна, на дочери которой я впослѣдствіи женился. Анна Алексѣевна знала меня еще мальчикомъ и всегда, восхищаясь моимъ миловиднымъ личикомъ, увѣряла всѣхъ, что моя головка напоминаетъ ей головки Греза. Это я отлично запомнилъ и потомъ, много лѣтъ спустя, бывши въ Парижѣ въ какомъ-то музеѣ, я нарочно разыскалъ картины Греза, съ цѣлью узнать въ нихъ себя. И, Боже мой, какое было разочарованіе!... А чтобы было съ этой госпожей Тучковой, еслибъ она могла посмотрѣть на меня теперь!

Былъ у насъ и еще одинъ сосѣдъ. Это нѣкто Мартыновъ, но такъ какъ онъ умеръ прежде моего отца, то я его не помню. Знаю только, что это тотъ самый Мартыновъ, сынъ котораго много лѣтъ послѣ описываемаго имѣлъ дуэль съ Лермонтовымъ.

Самый ближайшій сосѣдъ Манухинъ, у котораго мы бывали каждое воскресенье, такъ какъ до построенія храма въ Никольскомъ мы состояли приходомъ въ село Сивинь, поссессіонное имѣніе господина Манухина. Отстоявъ обѣдню, мы обыкновенно съ матерью заѣзжали къ нему и пили чай. Поѣздки эти запечатлѣлись

въ моей памяти, думаю, потому только, что дорога, ведшая изъ села Никольскаго въ село Сивинь, была крайне живописна. Лѣтомъ она пролегала по громадному сосновому бору, который всегда восхищалъ меня своей грандіозной колоннадой сосновыхъ деревьевъ, по вѣтвямъ которыхъ быстро перелетали красивыя бѣлки съ одной сосны на другую. Зимой же дорога пролегала тѣмъ самымъ прудомъ, о которомъ я говорилъ выше, и была короче лѣтней и отличалась тѣмъ, что на ней не было ни одного ухаба. Запряжемъ, бывало, голубую повозку тройкой и мчимся во весь духъ отъ своего подъѣзда до самой церкви.

Господинъ Манухинъ былъ крайне благообразный старичокъ: сѣденькій, чисто выбритый и всегда изящно одѣтый. Онъ былъ купецъ, но ничего купеческаго въ немъ не было, а напротивъ выглядывалъ бариномъ лучше иного барина. Жилъ онъ открыто, домъ имѣлъ большой, хорошо меблированный и былъ великій хлѣбосолъ. При домѣ у него имѣлась большая галлерея, уставленная тропическими растеніями и представлявшая изъ себя нѣчто вродѣ маленькаго зимняго сада. У него были свои оранжереи, свои теплицы и красивый садъ съ роскошными цвѣтниками. Но болѣе всего мнѣ нравился тотъ прудъ, о которомъ я только что говорилъ. Боже мой, какой только не было на немъ дичи въ весеннюю и лѣтнюю пору! Стоило только заѣхать въ камыши этого пруда, какъ милліоны утокъ всевозможныхъ породъ шумно поднимались съ воды и оглашали своимъ кряканьемъ воздухъ, а въ концѣ этого пруда, затоплявшагося весеннею водой, были луга, переполненные всевозможною болотною дичью. Тутъ были и дупеля, и бекасы, и гаршнепы, и всевозможныхъ сортовъ кулики.

Былъ со мной на этихъ лугахъ слѣдующій случай, заставившій меня всю жизнь бояться грозы. Отправился я разъ на охоту по бекасамъ. Луга были уже скошены и заставлены стогами сѣна. Съ утра день былъ превосходный, но къ обѣду надвинулась громадная туча и полилъ дождь, сопровождавшійся страшною грозой. Чтобъ укрыться отъ дождя, я прижался къ стогу, а по сосѣдству къ другому стогу прижался пастухъ, пасшій овецъ и завтракавшій варенымъ яйцомъ. Ѣлъ онъ стоя, прислонившись къ стогу. Вдругъ грянулъ громъ, и я не успѣлъ опомниться отъ этого страшнаго удара, какъ вдругъ увидалъ, что стогъ, возлѣ котораго былъ пастухъ, вспыхнулъ и задымился чернымъ густымъ дымомъ. Я былъ тогда уже въ гимназіи и мнѣ было лѣтъ 14—15. Я побѣжалъ туда и увидалъ, что пастухъ былъ уже перекинутъ на другую сторону стога. Онъ лежалъ совершенно голымъ и напоминалъ убитымъ мол-

ніей. Только тогда я понялъ, въ чемъ дѣло и, не дожидаясь конца дождя, опрометью бросился домой, до котораго было версты двѣ-три. Съ той поры и до самой старости я боялся грозы и только теперь, угнетенный поразившимъ меня недугомъ, желалъ бы умереть такимъ путемъ, какимъ умеръ пастухъ.

Помнится мнѣ, что каждый разъ Манухинъ, какъ только мы бывали у него, надоѣдалъ матери упреками, что она слишкомъ неразсчетливо тратится на окончаніе постройки церкви, которую началъ покойный отецъ.

— Помилуйте,—говорилъ Манухинъ, понюхивая табакъ изъ своей золотой табакерки.—Къ чему, напримѣръ, раздѣлывать стѣны подъ мраморъ и дѣлать церковь теплою? Лѣсъ у васъ и безъ того порубленъ. Мужикъ на вашъ мраморъ даже не обратитъ вниманія, а зимой, какъ бы ни была тепла церковь, все-таки тулупа съ себя не сниметъ. А вы могли бы простоять обѣдню и въ салопѣ.

Но мать ничего и слышать не хотѣла. И дѣйствительно, на отдѣлку церкви она ничего не жалѣла. Стѣны и четыре колонны, поддерживающія потолокъ, были раздѣланы подъ мраморъ и украшены художественною живописью. Такой же живописью былъ украшенъ и потолокъ. Какъ теперь помню, что на первомъ планѣ потолка была изображена фигура ангела, державшаго въ рукѣ церковное паникадило, а на второмъ Богъ Саваоѳъ, окруженный сонмомъ херувимовъ. Живописью наша церковь, дѣйствительно, отличалась, такъ какъ ею завѣдывалъ извѣстный въ то время въ Пензѣ живописецъ Макаровъ, сынъ котораго, Иванъ Кузьмичъ Макаровъ, сдѣлался впослѣдствіи извѣстнымъ художникомъ. Этотъ-то, тогда еще очень молодой человѣкъ, писалъ у насъ мѣстныя иконы, запрестольный образъ и нѣкоторыя картины на стѣнахъ. Въ описываемое время онъ еще не имѣлъ званія художника и, будучи ученикомъ отца, работалъ въ его мастерской. Но кисть молодого Макарова превзошла кисть своего учителя. Мнѣ отлично помнится, что мать первая обратила свое вниманіе на молодого художника и посовѣтовала старику Макарову похлопотать о томъ, чтобъ его сыну было предоставлено званіе художника, и вызвалась даже помочь ему въ этомъ дѣлѣ. Старикъ долго не соглашался на это, сомнѣваясь въ успѣхѣ, но молодой Макаровъ, обрадованный и польщенный предложеніемъ матери, принялся приставать къ отцу съ тою же просьбой и послѣ долгихъ приставаній добился, наконецъ, его согласія. Въ то же время онъ принялся писать картину, изображавшую группу мордовокъ въ ихъ оригинальныхъ національныхъ костюмахъ. Помню даже, какъ изъ сосѣдняго мордовскаго селенія

Шайгува привозили къ молодому Макарову мордовокъ, съ которыхъ онъ и писалъ свои этюды. Картина эта предназначалась для представленія въ академію на полученіе званія художника. Мать писала по этому случаю кому-то въ Петербургъ, но сослужили ли эти письма какую-нибудь службу Макарову,—я не знаю, знаю только, что старанія молодого человѣка не пропали и что онъ за эту картину получилъ званіе художника. Молодой Макаровъ проработалъ у насъ всѣ лѣто до 1 октября, т.-е. до самаго того дня, когда состоялось въ Никольскомъ освященіе новосооруженнаго храма во имя Спаса Нерукотвореннаго. Освященіе совершалъ преосвященный Амвросій, бывшій въ то время пензенскимъ епископомъ. Преосвященный Амвросій прожилъ у насъ со своей свитой три дня и каждый день совершалъ въ новоосвященномъ храмѣ всенощныя и литургіи. Народу нахлынула такая масса, что мнѣ никогда еще не приходилось встрѣчать такого громаднаго стеченія. Пришлые богомольцы помѣщались вокругъ церкви, гдѣ и ночевали, кто въ разбитыхъ палаткахъ, кто подъ телѣгами, а кто и просто подъ открытымъ воздухомъ. Были привезены и всевозможные больные, чаявшіе получить исцѣленіе, а въ особенности много было такъ называемыхъ кликушъ, которыя обыкновенно во время чтенія евангелія или великаго выхода принимались неистово кричать и бѣсноваться. Ихъ считали тогда одержимыми бѣсами.

По воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ ко мнѣ и брату Александру Александровичу приходили обыкновенно наши кормилицы. Мою кормилицу звали Марѳой, а братнину Еленой. Это были простыя крестьянскія бабы, всегда приносившія намъ гостинцы, состоявшія изъ нѣсколькихъ каленыхъ яицъ или калинниковъ (ржаныя лепешки съ запеченною въ нихъ калиной). Послѣднее кушанье мнѣ очень нравилось. И вотъ, уписывая за обѣ щеки эти калинники, я слушалъ, бывало, разсказы кормилицы о кликушахъ и всевозможныхъ порченыхъ людяхъ. И наслушивался такихъ страстей, что долгое время не могъ ходить безъ оглядки: мнѣ такъ и представлялось, что вотъ-вотъ сейчасъ встрѣчу какую-нибудь колдунью, которая и начинитъ меня дьяволами.

Первымъ священникомъ въ селѣ Никольскомъ былъ нѣкто Петръ Сергѣевичъ Охотскій, только что окончившій семинарію и посвященный во священники въ нашей же церкви. Священникъ этотъ тоже училъ меня русской грамотѣ и закону Божію. Я забылъ сказать, что учили меня по старому, т.-е. заставляли долбить склады: буки—азъ-ба, вѣди—азъ-ва и т. д. Азбука, по которой я учился, была съ картинками и, какъ теперь помню: на первой страницѣ было

Азъ—Ананасъ, Буки—Быкъ, Вѣди—Водовозъ, Глаголь—Гусь, Добро—Дровосѣкъ и т. д. Несмотря на такой анаѳемскій методъ, русскіе люди все-таки выучивались грамотѣ и умѣли читать и писать. Священникъ Охотскій былъ, такъ сказать, на второмъ планѣ, главнымъ же моимъ учителемъ былъ тотъ суровый господинъ, о которомъ я говорилъ прежде. Но кто изъ нихъ болѣе успѣвалъ въ дѣлѣ моего обученія — я не помню. Съ Трумхеллеромъ мы занимались обыкновенно по вечерамъ. Этому нѣмцу какъ-то посчастливилось, и я въ скоромъ времени научился не только читать и писать по нѣмецки, но даже и говорить. Вѣроятно, это произошло оттого, что Трумхеллеръ не умѣлъ говорить по-русски, и я волей-неволей принужденъ былъ объясняться съ нимъ по-нѣмецки. Трумхеллеръ, котораго мы просто называли Андреасъ, жилъ со мной въ одной комнатѣ, въ которой мы и спали. Помню я то великое огорченіе, которое я перенесъ, когда меня отняли отъ няньки и перевели въ комнату въ мезонинѣ къ Андреасу. Я заливался слезами и первую ночь положительно не могъ заснуть. Я привыкъ къ своей дѣтской, къ тому образу въ уголкѣ, передъ которымъ на ночь зажигалась обыкновенно лампадка, привыкъ къ своей нянѣ, такъ любовно убаюкивавшей меня въ моей постелькѣ, привыкъ даже къ той занавѣскѣ, которая висѣла на окнѣ нашей дѣтской, рисунокъ которой изображалъ какой-то швейцарскій видъ съ какимъ-то пѣшеходомъ, взбиравшимся на гору... И вдругъ—ничего!... Ни няни, ни швейцарскаго вида, ни той иконы, ярко освѣщенной лампадкой. И вмѣсто всего этого одинъ Андреасъ. Онъ даже опротивѣлъ мнѣ въ эту ночь. А когда послышалось его храпѣніе, я готовъ былъ спрыгнуть со своей кровати и бѣжать въ дѣтскую къ своей нянѣ. И убѣжалъ бы, еслибы только не боялся разныхъ привидѣній, о которыхъ мнѣ такъ много говорили и няня и кормилица. Возненавидѣла нѣмца и нянька, которая долгое время не могла даже съ нимъ разговаривать. Нянька не давала прохода даже и матери:

— Что ужъ это,—ворчала она,—нагнали какихъ-то колбасниковъ и отдали имъ барское дитё. Вотъ какъ изъ барскаго дитё нѣмецъ-то сдѣлаетъ какого-нибудь сапожника, въ тѣ поры и спохватитесь.

Однако барское дитё къ колбаснику привыкло быстро, такъ какъ колбасникъ этотъ былъ въ сущности премилый человѣкъ. Мы съ нимъ удили рыбу, бѣгали по лѣсу, собирая ягоды и грибы, а зимой занимались преусердно ловлей пѣвчихъ птицъ. Новая моя дѣтская была увѣшана клѣтками съ прыгавшими въ нихъ пестрыми щеглами, красивыми снигирями и чижами. Птицы эти заводили та-

кую музыку, что иной разъ, бывало, ничего не слышишь, что говорили люди. Мы съ Андреасомъ сами дѣлали для этихъ птичекъ клѣтки и дѣлали ихъ такъ изящно, что онѣ превосходили покупныя.

Иногда Андреасъ занимался со мной и русскимъ диктантомъ и, помнится мнѣ, при этомъ страшно коверкалъ слова. Разъ онъ диктовалъ мнѣ такъ:

«Тогда Петръ Аміенскій надѣлъ на голова каблукъ и со скандаломъ на ногахъ»... Это значило: «Тогда Петръ Амьенскій надѣлъ на голову клобукъ и съ сандаліями на ногахъ»... и т. д.

Но диктанты эти продолжались не долго, такъ какъ мать, замѣтивъ эту ерунду, запретила ему браться не за свое дѣло.

Вскорѣ послѣ освященія церкви въ Никольскомъ совершилось и перенесеніе праха моего покойнаго отца изъ села Сивинь, гдѣ онъ дотолѣ покоился, въ село Никольское. Помню я то ужасное впечатлѣніе, которое произвели на меня раскопка могилы отца и тотъ моментъ, когда могильщики докопались до гроба. Помню, я съ напряженнымъ любопытствомъ стоялъ на краю могилы и слѣдилъ за каждымъ движеніемъ лопаты. И вотъ вдругъ мелькнуло что-то серебряное, что-то блеснувшее въ глаза, и вдругъ это блеснувшее опять запорошилось землей. Но вотъ лопата шмыгнула еще разъ, выкинула изъ могилы кучку земли, и блеснувшее снова мелькнуло у меня въ глазахъ. Я притаилъ дыханіе, нагнулся надъ могилой и увидалъ, что то былъ парчевый крестъ, прибитый къ крышкѣ гроба. Дальнѣйшая церемонія совершилась обычнымъ порядкомъ. Гробъ былъ извлеченъ изъ могилы, опущенъ въ другой желѣзный, поднятъ на носилки и понесенъ народомъ въ Никольское. При этомъ присутствовала, конечно, и полиція; былъ исправникъ, становой и еще какіе-то чиновники. Затѣмъ, когда гробъ былъ принесенъ въ Никольское, его встрѣтила тамъ новая духовная процессія, во главѣ которой былъ архимандритъ Краснослободскаго монастыря, отецъ Никонъ. Старичокъ этотъ часто бывалъ у насъ, былъ знакомъ съ покойнымъ отцомъ моимъ и потому отлично сохранился въ моей памяти.

II.

Когда мнѣ минуло десять лѣтъ, мать объявила мнѣ:

— Ну, голубчикъ, будетъ тебѣ щегловъ-то ловить! Поѣдемъ-ка въ Пензу, я тебя опредѣлю въ гимназію.

А на другой день у подъѣзда нашего дома стояла уже, запряженная четверикомъ, коляска и толпа дворовыхъ, вышедшая провожать господъ.

Мать усѣлась въ коляску, посадила меня съ собой, помѣстился въ той же колескѣ Андрей Карловичъ, и мы на своихъ лошадяхъ отправились въ Пензу, до которой было верстъ полтораста. Дѣло это было въ концѣ іюля и, кажется въ 1844 году.

Тогдашнія гимназіи и тогдашніе порядки гимназическіе не походили на нынѣшніе, и потому мнѣ придется остановиться на нихъ подольше.

Директоромъ пензенской гимназіи былъ въ то время Михаилъ Самсоновичъ Рыбушкинъ, старичокъ лѣтъ шестидесяти, худенькій, лысенькій и съ длиннымъ острымъ носомъ. Въ классъ онъ приходилъ обыкновенно въ форменномъ вицъ-мундирѣ, которые тогда шились не сюртуками, а фраками, и съ серебряными очками на концѣ носа. Когда же онъ выходилъ на улицу, то надѣвалъ на себя какое-то длиннополое пальто съ таліей, на манеръ наполеоновскаго, и всегда по-наполеоновски же надѣвалъ на голову трехугольную шляпу. Этотъ-то самый Рыбушкинъ и экзаменовалъ меня.

Экзаменовалъ онъ меня въ какой-то особой комнатѣ, въ которой не было никого, кромѣ матери и брата Александра Александровича, увѣшаннаго игрушечными ружьями и саблями. Какіе задавались мнѣ экзаменаторомъ вопросы и удачны ли были мои отвѣты— я не помню, помню только, что онъ меня гладилъ по головѣ своей костлявой рукой, а я смотрѣлъ ему на носъ, съ конца котораго капали результаты нюхательнаго табаку. Мать моя сидѣла рядомъ съ нимъ и о чемъ-то непрерывно разговаривала. А возлѣ матери стоялъ братъ, потрясая ружьями и саблями.

Экзаменъ продолжался недолго, а по окончаніи экзамена директоръ объявилъ матери, что я принятъ и чтобы она озаботилась: 1) остричь мнѣ волосы и 2) обмундировать меня. Это послѣднее распоряженіе директора пришлось мнѣ крайне по сердцу, такъ какъ, насмотрѣвшись на гимназистовъ, мнѣ очень хотѣлось облечься въ ихъ форму. Тогда и форма была не та, что теперь. Тогда были и вицъ-мундиры, и мундиры, и куртки. Вицъ-мундиры шились на манеръ военныхъ или студенческихъ, съ краснымъ стоячимъ воротникомъ, а мундиры состояли изъ фрака съ остроконечными фалдочками, краснымъ стоячимъ воротникомъ, серебряными петлицами и такими же красными обшлагами на рукавахъ съ тремя пуговицами. Шинели у насъ были тоже на манеръ военныхъ: съ капюшонами и стоячимъ краснымъ воротникомъ, почему уличные мальчишки и дразнили насъ красной говядиной. Тѣмъ не менѣе, однако, я былъ въ восторгѣ, обмундировавшись въ это платье, корчилъ изъ себя какого-то военнаго офицера и гордо проходилъ мимо мальчишекъ,

дразнившихъ меня красной говядиной. Лавровъ на фуражкахъ у насъ никакихъ не было, за то были другіе лавры, которые по пятницамъ покупались на базарѣ и которые просто на просто назывались березовой кашей, пробовать которую мнѣ однако не приходилось, такъ какъ дворянъ не сѣкли, а замѣняли это наказаніе карцеромъ. Учился я, надо думать, хорошо, такъ какъ въ первомъ и второмъ классѣ былъ на золотой доскѣ, но озорникъ былъ не послѣдній. Помню, что въ первый же день моего поступленія въ гимназію я чуть не сломалъ палецъ одному изъ моихъ товарищей. Случилось это такъ: у насъ были доски, устроенныя такимъ образомъ: двѣ колонки, а на колонкахъ этихъ вращалась доска на двухъ желѣзныхъ осяхъ. Товарищъ подошелъ къ доскѣ, положилъ палецъ на одну изъ этихъ осей, а я совершенно машинально повернулъ доску, и вдругъ ужаснѣйшій крикъ... Дверь съ шумомъ отворилась, въ классную комнату вбѣжалъ надзиратель Ѳедоръ Ивановичъ Потатуевъ и, уцѣпивъ меня и того товарища, которому я прищемилъ палецъ, за уши, повелъ на расправу къ инспектору Брунону Матвѣевичу Ольшевскому. Расправа была недолга: товарищу перевязали палецъ мокрой тряпкой, а меня отвели въ карцеръ. Карцеръ состоялъ изъ маленькой комнаты съ небольшимъ окномъ подъ потолкомъ, а потому въ комнатѣ этой царилъ постоянный полумракъ.

Гимназія въ то время находилась на скверѣ рядомъ съ гауптвахтой и губернаторскимъ домомъ. Это было одноэтажное деревянное строеніе съ двумя подъѣздами по концамъ. Одинъ изъ подъѣздовъ назывался учительскимъ, а другой гимназическимъ. Весь этотъ домъ раздѣлялся корридоромъ на двѣ половины, въ которыхъ и помѣщались классы, а въ концѣ корридора—физическій кабинетъ, учительская комната и небольшая комната съ мѣднымъ бассейномъ на манеръ громаднаго самовара съ нѣсколькими кранами, изъ котораго мы и пили воду.

Библіотеки у насъ никакой не было, а равно не было и такъ называемой «уборной», ибо уборная эта, состоявшая изъ небольшого тесоваго сарайчика, находилась внѣ зданія гимназіи, позади конюшни.

Учительскій персоналъ при мнѣ былъ слѣдующій: батюшка Кузьма Романовичъ преподавалъ Законъ Божій, господинъ Дьяконовъ—исторію, Покровскій—латинскій языкъ, математику—Василій Михайловичъ Безобразовъ, географію—нѣкто господинъ Макке. Василій Арефьевичъ Покровскій былъ старикъ лѣтъ пятидесяти, съ бакенбардами на манеръ запятой и сѣдыми же шершавыми волосами на головѣ. Учителемъ живописи былъ Петръ Герасимовичъ

Жидковъ, толстый кудрявый мужчина съ шишкой на лбу. Помню я, что мы особенно не любили Дьяконова, за то, что онъ имѣлъ привычку щелкать насъ по лбу, и такъ свирѣпо, что у насъ у всѣхъ во время класса исторіи были лбы съ красными пятнами на манеръ кокарды. Василія Арефьевича Покровскаго мы всѣ очень любили, вѣроятно потому, что онъ былъ чудакъ большой руки, а еще и потому, что мы у него ничего не дѣлали.

Василій Арефьевичъ былъ изъ духовнаго званія и почти постоянно находился въ нетрезвомъ видѣ. Бывало, придетъ въ классъ и крикнетъ, нахмурившись: «Читайте молитву!» Всеобщее молчаніе. «Молитву читайте!»—крикнетъ, бывало, Василій Арефьевичъ, топнувъ ногою, и опять молчаніе. «Мельгуновъ, читай молитву!» Мельгуновъ встаетъ и объявляетъ, что онъ молитву читать не можетъ, такъ какъ охрипъ. Василій Арефьевичъ начнетъ тыкать пальцемъ то на одного, то на другого ученика съ приказаніемъ читать молитву, но всѣ опять-таки отказываются: одинъ говоритъ, что осипъ, другой кашляетъ, и Василій Арефьевичъ начинаетъ выходить изъ себя.

— Читай хоть ты, скотина,—кричитъ онъ, ткнувъ пальцемъ на Ситникова.

Встаетъ Ситниковъ, вѣжливо раскланивается и объявляетъ, что онъ, пожалуй, прочтетъ, но не иначе, какъ басомъ.

— Хоть съ квасомъ, а читай!—кричитъ опять Василій Арефьевичъ и замахивается на Ситникова журналомъ.

Ситниковъ встаетъ, подходитъ къ образу и читаетъ басомъ всѣ молитвы, какія только знаетъ. Это опять выводитъ изъ терпѣнія Василія Арефьевича.

— Будетъ, довольно! Что ты, всенощную, что ли, служить затѣялъ? Довольно!

Наконецъ, молитва кончена, и всѣ усѣлись по мѣстамъ. Вдругъ на задней партѣ раздается чей-то крикъ.

— Кто это кричитъ? — восклицаетъ Василій Арьфьевичъ и, вскочивъ на ноги, оглядываетъ весь классъ молніеноснымъ взглядомъ.

— Это Мельгуновъ, Василій Арефьевичъ, — отвѣчаетъ кто-нибудь.

— Гдѣ онъ?

— Онъ еще не пришелъ, Василій Арефьевичъ.

— А, не пришелъ!... Такъ сказать, когда придетъ.

— Слушаемъ, Василій Арефьичъ!

Наконецъ, Василій Арефьевичъ усаживается за каѳедру и, раз-

вернувъ журналъ, тянется за перомъ. Но оказывается, что и чернильница, и перо были поставлены ему совсѣмъ особеннаго свойства, а именно: чернильница крошечная-раскрошечная, а перо въ ней громадное орлиное. (Тогда еще стальныхъ перьевъ не было и мы писали гусиными, а о стальныхъ не имѣли понятія). При видѣ этой чернильницы и этого пера Василій Арефьевичъ снова вспыхивалъ гнѣвомъ, а весь классъ начиналъ хохотать. Наконецъ, все утихало, и классъ начинается.

Василій Арефьевичъ вызываетъ какого-нибудь ученика. Выходитъ ученикъ, развертываетъ книгу и громко провозглашаетъ: asinus et bos.

— Какъ asinus et bos? — кричитъ Василій Арефьевичъ. — Это въ прошлый разъ было, а къ нынѣшнему уроку я приказалъ вамъ перевести слѣдующую басню: brebis et pastor.

— Нѣтъ, Василій Арефьевичъ, вы забыли. Вы ошибаетесь. Точно,— продолжаетъ ученикъ, подходя къ Василію Арефьевичу и прикладывая руку къ сердцу,— вы хотѣли было задать намъ brebis et pastor, а потомъ махнули рукой: нѣтъ, говорите, не надо. Переводите старое.

Вдругъ классная дверь растворяется, и входитъ Мельгуновъ. Онъ вѣжливо расшаркивается передъ Василіемъ Арефьевичемъ, справляется о его здоровьѣ, хорошо ли онъ почивалъ, и потомъ начинаетъ разсказывать, какихъ прекрасныхъ куръ привезла его мать изъ деревни.

— Пестренькія,—говоритъ онъ,—съ голубиными хохолками и совершенно бѣлыми хвостиками.

Василій Арефьевичъ былъ большой охотникъ до куръ, а потому и пускается въ разговоръ съ Мельгуновымъ. Но въ это время ему кто-то напоминаетъ, что Мельгуновъ пришелъ, и лицо Василія Арефьевича мгновенно свирѣпѣетъ, а глаза загораются гнѣвомъ.

— На колѣни! — кричитъ онъ, указывая Мельгунову мѣсто гдѣ онъ долженъ встать на колѣни.

— За что же, Василій Арефьевичъ? Помилуйте!...

— А за то, что ты кричалъ.

— Когда?

— На колѣни... безъ разговоровъ!

— Помилуйте,— возражаетъ Мельгуновъ,— я только сейчасъ пришелъ.

— Безъ разговоровъ на колѣни!

Мельгуновъ становится на колѣни, а когда гнѣвъ Василія Арефьевича остылъ, подползаетъ къ Василію Арефьевичу и начи-

наетъ упрашивать его спросить его сегодня, такъ какъ онъ приготовилъ урокъ какъ никогда.

— Пожалуйста, спросите меня! — пристаетъ онъ. — Честное слово благороднаго человѣка, никогда такъ не готовилъ. Всю ночь долбилъ... Думаю себѣ: сдѣлаю удовольствіе Василію Арефьевичу.

Василій Арефьевичъ улыбается и заставляетъ Мельгунова переводить басню. Но Мельгуновъ, даже и не думавшій готовить урока, конечно, переводитъ басню скверно, почему и получаетъ единицу.

Между Васильемъ Арефьевичемъ и Мельгуновымъ начинается споръ, продолжающійся нѣсколько минутъ и кончающійся тѣмъ, что Василій Арефьевичъ такъ-таки и награждаетъ Мельгунова единицей.

— Хорошо,— говоритъ Мельгуновъ,— коли такъ, такъ нѣтъ же вамъ ни одной курицы! А я-то сдуру хотѣлъ вамъ самыхъ лучшихъ подарить, а теперь нѣтъ вамъ ничего!

Однако къ концу класса недоразумѣніе, происшедшее между Василіемъ Арефьевичемъ и Мельгуновымъ, принимаетъ нѣсколько иной видъ. Мельгуновъ обѣщаетъ ему подарить куръ, а Василій Арефьевичъ — измѣнить поставленную единицу. А въ слѣдующій классъ Мельгуновъ торжественно объявляетъ Василію Арефьевичу, что онъ отнесъ ему три самыхъ лучшихъ курицы, которыхъ и передалъ его кухаркѣ.

— Три, говоришь ты? — спрашиваетъ Василій Арефьевичъ.

— Три, Василій Арефьевичъ, но вы посмотрите какія!

— Посмотримъ, посмотримъ... — говоритъ Василій Арефьевичъ и переправляетъ единицу на три.

— Это что такое?—возмущается Мельгуновъ.— Да развѣ три надо ставить? На плохой конецъ четыре...

— А ты сколько куръ принесъ? — подсмѣивается Василій Арефьевичъ.

— Три, — отвѣчаетъ Мельгуновъ.

— Ну, значитъ и я три.

Но не подумайте, чтобы Василій Арефьевичъ былъ взяточникъ,—нѣтъ, это просто былъ чудакъ, да еще чудакъ нетрезвый, и если я разсказалъ только-что эту сценку, въ дѣйствительности бывшую, то единственно съ тою цѣлью, чтобъ обрисовать типъ этого курьезнаго учителя. И Боже мой, чего только не творили съ этимъ Василіемъ Арефьевичемъ!

Разъ какъ-то во время класса кто-то изъ учениковъ заигралъ на маленькой игрушечной скрипкѣ... Василій Арефьевичъ разгнѣ-

вался, вырвалъ у ученика скрипку, засунулъ ее въ задній карманъ и побѣжалъ жаловаться директору. Но пока онъ бѣжалъ корридоромъ, ученики столпились вокругъ него и успѣли замѣнить скрипку рѣдькой. Предоставляю судить объ изумленіи Василія Арефьевича, когда онъ, изложивъ директору суть своей жалобы, выкинулъ на полъ, въ видѣ вещественнаго доказательства, не скрипку, а рѣдьку.

Я бы могъ разсказать десятки подобныхъ продѣлокъ, но думаю, что достаточно и этихъ двухъ случаевъ для характеристики этого злосчастнаго учителя. Да, это былъ чудакъ великой руки, но за то никто не помянетъ его дурнымъ словомъ. Онъ былъ вспыльчивъ, но не золъ и не мстителенъ. Онъ умеръ давнымъ-давно, когда я былъ еще въ гимназіи. И помню, когда его мертваго стали одѣвать въ мундиръ, то изъ кармановъ этого мундира была вынута цѣлая масса стихотвореній на его счетъ. Это были стихотворенія юмористическаго содержанія, въ которыхъ и описывались курьезные случаи, бывшіе съ Василіемъ Арефьевичемъ. Онъ былъ человѣкъ холостой, и послѣ него никакой семьи не осталось.

Большинство нашихъ учителей, за исключеніемъ немногихъ, были люди воспитанные, постоянно вращавшіеся въ обществѣ и крайне деликатные.

Особенной любовью и уваженіемъ пользовался у насъ учитель русской словесности Егоръ Карловичъ Р—ь. Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ тридцати, съ лицомъ до крайности симпатичнымъ и нѣсколько женоподобнымъ. Онъ былъ очень религіозный, не пропускавшій ни одного воскреснаго и праздничнаго дня, чтобы не побывать въ церкви. Придя въ церковь, онъ обыкновенно становился куда-нибудь въ уголъ и тамъ со слезами на глазахъ начиналъ молиться. Помимо обычныхъ уроковъ, Егоръ Карловичъ читалъ намъ произведенія лучшихъ писателей. Онъ первый познакомилъ насъ съ произведеніями Тургенева, въ то время еще только начинавшаго писать. Я отлично помню, какъ разсказъ Тургенева *Хорь и Калинычъ* былъ напечатанъ въ *Современникѣ* не на первомъ мѣстѣ, въ началѣ книги, а гдѣ-то въ смѣси на концѣ.

Сверхъ того Егоръ Карловичъ познакомилъ насъ съ произведеніями Загоскина, Евгеніи Туръ и въ то же время строго-настрого запретилъ читать Марлинскаго. Откровенно сознаюсь, что онъ первый внушилъ намъ любовь къ русской литературѣ и научилъ отличать хорошее отъ дурного.

Марлинскій былъ въ то время въ большой модѣ и всѣ читали его съ увлеченіемъ, но когда Егоръ Карловичъ, превосходно читавшій, указалъ намъ на произведенія молодого Тургенева, объяс-

нилъ его красоты, то мы какъ-то невольно сами собой отстали отъ Марлинскаго. Нравились мнѣ также произведенія Загоскина и Евгеніи Туръ. Помнится мнѣ, что тогда только что вышелъ ея романъ *Три поры жизни*, и романъ этотъ такъ понравился мнѣ, что я имъ буквально зачитывался. О Егорѣ Карловичѣ у меня сохранились самыя теплыя и свѣтлыя воспоминанія. Онъ любилъ насъ, а мы любили его. Я не знаю, живъ ли онъ теперь, но ежели живъ, то посылаю ему самую теплую благодарность за его развитіе въ насъ любви къ русской литературѣ. Даже и теперь, на склонѣ лѣтъ, я не забылъ его и сохранилъ въ своей душѣ его симпатичный образъ. Любили мы также и учителя математики Василія Михайловича Безобразова, хотя и не чувствовали особенной любви къ тому предмету, который онъ преподавалъ. Нашъ классъ, помнится мнѣ, не отличался математическими способностями, но тѣмъ не менѣе мы, все-таки, учились, стараясь изо всѣхъ силъ сдѣлать Василію Михайловичу удовольствіе и тѣмъ самымъ поддержать, такъ сказать, его реноме.

Мы учились какъ бы для него, а не для себя.

Другой учитель математики, преподававшій геометрію и тригонометрію, былъ Николай Васильевичъ Птенцовъ. Мы его любили за его веселый нравъ и ласковое обращеніе съ нами. Называлъ онъ насъ не по фамиліямъ, а уменьшительными собственными именами, такъ, напримѣръ, Григорія—Гришей, а меня, Илью—Иленькой.

Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ тридцати пяти, довольно красивый, щеголеватый и большой мечтатель. Ходитъ, бывало, изъ угла въ уголъ по классу и о чемъ-то самъ съ собою разговариваетъ, то улыбается, то хмурится, то пожимаетъ плечами и разводитъ руками. Онъ, бывало, мечтаетъ, а вызванный имъ къ доскѣ ученикъ рисуетъ на доскѣ, вмѣсто заданной задачи, какія-нибудь фигуры.

— Ну что, скоро, Вася?—спроситъ, бывало Птенцовъ,—даже не оборачиваясь на доску.

— Кончилъ, Николай Васильевичъ!

— Прекрасно, Вася! Садитесь.

Вася торопливо стиралъ съ доски нарисованную имъ фигуру, а Николай Васильевичъ торопится къ каѳедрѣ и торопливо же ставилъ Васѣ баллъ.

Второпяхъ онъ иногда ставилъ баллъ не тому ученику, котораго спрашивалъ, а кому-нибудь другому,—словомъ, ошибался клѣточкой, что ему и замѣчали тѣ ученики, которые сидѣли возлѣ каѳедры.

— Ну, Иленька, теперь вы къ доскѣ.

Я выходилъ къ доскѣ, а Николай Васильевичъ, задавъ мнѣ задачу, снова принимался за прерванныя мечтанія, а я повторялъ то же самое, что продѣлывалъ мой предшественникъ, т.-е. рисовалъ на доскѣ какія-нибудь фигурки. Я считался у Николая Васильевича первымъ ученикомъ. Учился я дѣйствительно недурно, но далеко отставалъ отъ первыхъ. По математикѣ на меня какъ-то находило. Найдетъ, бывало, какая-то счастливая минута, и разрѣшишь, какъ нельзя лучше, наитруднѣйшую задачу, а не найдетъ—такъ не сладишь и съ самой простѣйшей.

Помню я, какъ пріѣхалъ къ намъ однажды помощникъ попечителя Казанскаго учебнаго округа (Пензенская гимназія принадлежала къ Казанскому округу), нѣкто господинъ Антроповъ. Вошелъ онъ къ намъ въ классъ какъ разъ въ то время, когда съ нами занимался Николай Васильевичъ. Желая передъ нимъ похвастаться своими учениками, онъ вызвалъ меня и... о ужасъ!—я срѣзался, какъ послѣдній ученикъ и не могъ не только рѣшить задачу, но даже начать ее.

— Что съ вами, Иленька?—говорилъ мнѣ послѣ Николай Васильевичъ, — вы, на котораго возлагались всѣ мои упованія, и вдругъ...

— Виноватъ, оробѣлъ, Николай Васильевичъ.

Николай Васильевичъ былъ великій танцоръ и каждое воскресенье отправлялся въ дворянское собраніе, гдѣ по воскресеньямъ бывали танцы, и проводилъ тамъ всю ночь.

Въ собранья эти по недостатку кавалеровъ водили и насъ, учениковъ старшихъ классовъ. Заставляли, конечно, надѣвать мундиры и мы должны были танцовать подъ наблюденіемъ надзирателя Федора Ивановича Потатуева. Танцовать я тоже былъ великій охотникъ, а потому даже покупалъ у тѣхъ изъ своихъ товарищей, которые танцовать не любили, очередные наряды, такъ какъ въ собранія насъ водили по очереди и по нарядамъ. Я всегда съ удовольствіемъ посѣщалъ эти собранія, хотя, откровенно сказать, мы терпѣли тамъ незавидную участь. Дѣло въ томъ, что всѣхъ хорошенькихъ барышенъ разбирали кавалеры общества, а намъ оставались однѣ бракованныя.

— Ты что же вонъ энту барышню не берешь?—говоритъ, бывало Потатуевъ,—подбѣжавъ къ кому-нибудь изъ насъ. Не видишь ништо, что съ ней никто танцовать не хочетъ? Ступай, танцуй!

И вотъ, бывало, танцуешь съ этой некрасивой барышней и съ завистью посматриваешь на Николая Васильевича, летающаго мимо

съ прехорошенькой блондинкой. А на другой день, придя въ классъ, Николай Васильевичъ начиналъ подтрунивать и подсмѣиваться надъ нами, перенесшими вчера столь тяжелыя испытанія.

Помню я и другой казусный случай, происшедшій при томъ же Антроповѣ, когда посѣтилъ онъ нашъ физическій кабинетъ. Какъ разъ въ то время, когда вошелъ Антроповъ, учитель физики, Василій Михайловичъ Безобразовъ, вызвалъ Ситникова и заставилъ его объяснить, что такое Лейденская банка.

Ситниковъ былъ малый рослый, лѣтъ 25—26, бривший бороду и усы и страшно картавившій. И вотъ, едва Антроповъ отворилъ дверь, какъ Ситниковъ принялся густымъ басомъ объяснять Лейденскую банку.

— Лейденская банотька,—говорилъ онъ,—есть такая скляпотька, на которой есть клишечка, на клишечкѣ шишечка, а на шишечкѣ тяпочка виситъ.

Дружный хохотъ огласилъ весь физическій кабинетъ, такъ что расхохотался и самъ Антроповъ.

Въ мое время классныя занятія были распредѣлены слѣдующимъ образомъ: отъ девяти часовъ утра до полудня, затѣмъ съ трехъ до шести часовъ. Время отъ двѣнадцати до трехъ назначалось для обѣда и для отдыха. Исправные ученики отпускались въ двѣнадцать часовъ по домамъ, а неисправные, или въ чемъ-либо провинившіеся оставлялись въ гимназіи безъ обѣда. Они или запирались въ который нибудь изъ классовъ, или въ карцеръ, ежели провинились въ чемъ-либо серьезномъ.

Въ зимнее время приходилось заниматься при огнѣ, а такъ какъ въ то время керосина еще не было, то классы освѣщались масляными лампами, издававшими копоть и плохо горѣвшими. Въ это-то время происходили у насъ слѣдующія шалости: разжевывали, бывало, бумагу и размягчивъ ее въ видѣ тѣста, сшибали ею стекла съ лампъ. Зимой приходилось возвращаться домой въ потемкахъ, и за нами обыкновенно присылали лошадей.

Однажды у насъ захворалъ кучеръ, а на дворѣ была метель, и необходимо было прислать за мною лошадь. Мать, долго не думая, посадила на козлы свою горничную Анисью, краснощекую и толстую дѣвку, нарядивъ ее въ кучерской кафтанъ и шапку. Этотъ замаскированный кучеръ не ускользнулъ, однако, отъ зоркихъ и наблюдательныхъ глазъ гимназистовъ. Всѣ обступили нашу лошадь, и десятки молодыхъ голосовъ принялись кричать: Анисья, Анисья! Результатомъ всего этого было то, что товарищи прозвали меня Анисьей, чѣмъ, конечно, и выводили меня изъ себя. Точно такъ

же и экзамены наши происходили не весной, какъ теперь, а въ августѣ мѣсяцѣ. Это имѣетъ свою и дурную, и хорошую сторону. Дурно было потому, что въ ожиданіи экзамена гимназистъ, все-таки, находился въ тревожномъ состояніи, а хорошо потому, что неисправному ученику была возможность приготовиться и повторить то, чего онъ не зналъ. Экзамены эти тоже отличались и простотой и наивностью. Билетики мы нарѣзали сами, и потому они почти всѣ имѣли свои примѣты. На одномъ билетикѣ, напримѣръ, штемпель фабрики, на другомъ какое-нибудь не замѣтное пятнышко, а на нѣкоторые наклеивались волосочки и т. п. Вызывали насъ къ экзаменаторскому столу по алфавиту, и выходили мы съ программами въ рукахъ. Вынешь, бывало, билетъ и въ ожиданіи очереди отойдешь отъ стола къ сторонкѣ. Ежели билетъ попадался знакомый, то на него и отвѣчали, а ежели незнакомый, то мы настолько располагали временемъ, что могли обмѣниваться билетомъ. Вскорѣ послѣ экзамена происходили торжественные акты. Во время этихъ актовъ приглашались архіерейскіе пѣвчіе, а иногда даже и оркестръ музыки, принадлежавшій тогдашнему пензенскому губернатору, Александру Алексѣевичу Панчулидзеву. На актахъ этихъ сперва, конечно, прочитывался отчетъ гимназіи за истекшій годъ, а за тѣмъ начинали раздаваться награды отличившимся ученикамъ, которыя раздавались обыкновенно или губернаторомъ, или архіереемъ. Послѣ наградъ мы начинали читать разныя рѣчи и стихотворенія. Такъ какъ я хорошо владѣлъ нѣмецкимъ языкомъ, то мнѣ на этомъ языкѣ и приходилось читать рѣчи. Обыкновенно онѣ начинались такъ: Geehrteste Anwesenden и т. д. Въ произнесеніи этихъ рѣчей мы упражнялись заранѣе, сопровождая ихъ извѣстными жестами и подходящею мимикой. Тутъ же въ этомъ же актовомъ залѣ стоялъ столъ, покрытый краснымъ сукномъ, на которомъ и были разложены въ живописномъ безпорядкѣ ученическія классныя работы. Я никогда не умѣлъ рисовать, и каково же было мое изумленіе, когда однажды на этомъ столѣ я увидалъ голову Спасителя, нарисованную тушью, а внизу подпись: «рисовалъ ученикъ 4 класса И. Саловъ». Оказывается, голову эту рисовалъ самъ учитель Жидковъ, за что мать была ему очень признательна и отъ умиленія даже расплакалась.

— Посмотрите,—говорила она,—какъ мой Илюша рисуетъ-то! И картина эта пошла по рукамъ публики, а я едва поспѣвалъ на всѣ стороны раскланиваться.

Когда я былъ въ младшихъ классахъ, жили мы на Верхней Пѣшей улицѣ въ домѣ учителя музыки Кабаневскаго, рядомъ съ боль-

шимъ домъ Лысова. Домъ этотъ, стоявшій посреди огромнаго двора, скорѣе походилъ на деревенскую усадьбу. По бокамъ этого дома возвышались службы, а позади дома паркъ. Вотъ въ этомъ-то паркѣ я съ своимъ товарищемъ, сосѣдомъ по квартирѣ, нѣкіимъ Чупахинымъ, и занимался ловлей птичекъ. Ловили мы ихъ силками, западками и сѣтью, почему даже очень часто не ходили въ гимназію. Паркъ этотъ, состоявшій изъ большихъ липовыхъ деревьевъ и наполнявшійся весной соловьями, производилъ на меня грандіозное впечатлѣніе. Зайду, бывало, въ этотъ паркъ, усядусь на какой-нибудь полусгнившій пень и, прислушиваясь къ опьяняющимъ трелямъ соловья, забуду про все и про всѣхъ.

Научныхъ экскурсій или прогулокъ въ наше время не существовало, за то мы сами въ праздничные и воскресные дни сговаривались между собою и дѣлали свои экскурсіи за такъ называемую монастырскую рощу, за которой широко разстилались монастырскіе луга съ извивавшейся по нимъ рѣкою Сурой. Это была очень живописная мѣстность.

Мы брали съ собой закуску: самоваръ, чай, сахаръ, удочки, бредни и цѣлый день съ утра до ночи рѣзвились тамъ, какъ намъ хотѣлось. Нѣкоторые играли, а нѣкоторые ловили удочками или бреднями рыбу въ Сурѣ. Къ обѣду у насъ пылалъ гдѣ-нибудь котелокъ, и мы варили уху, но такую уху, какую не всегда приходилось ѣсть. Сурскія стерляди и понынѣ отличаются своимъ вкусомъ. И вотъ изъ этихъ-то стерлядей мы варили уху слѣдующимъ образомъ: изъ мелкихъ стерлядокъ варили бульонъ, затѣмъ выкидывали ихъ, а въ бульонъ клали новыхъ стерлядей, болѣе крупныхъ. Раковъ ловилась тамъ масса, а потому раки эти во время нашего обѣда, который происходилъ тутъ же вокругъ котла, лежали цѣлыми грудами. А послѣ обѣда опять игры, хоровое пѣніе, купанье, и мы веселились, какъ можетъ только веселиться цвѣтущая и свѣжая юность. А что всего было восхитительнѣй—это то, что полнѣйшая свобода и отсутствіе какихъ бы то ни было надзирателей, гувернеровъ и вообще гимназическаго начальства. Иногда присоединялись къ нашей веселой толпѣ и семинаристы.

И вотъ какой былъ однажды со мной случай. Я и одинъ изъ бурсаковъ, нѣкто Гавріилъ Разумовскій, купались въ Сурѣ. Замѣтивъ, что Разумовскій, сорвавшись съ обрыва, началъ тонуть, я протянулъ ему руку, но на ногахъ не удержался и вмѣстѣ съ нимъ попалъ въ омутъ. Подтянувъ меня къ себѣ, Разумовскій сѣлъ на меня верхомъ и такъ прижалъ мнѣ руки, что я не могъ двинуться. Сидѣвшіе на берегу думали, что мы шалимъ, и, глядя на насъ, под-

грунивали. Я помню, что опустившись на дно, я поползъ по немъ, но что было дальше—не помню. Опомнился я только тогда, когда очутился на песчаномъ и отлогомъ берегу Суры, по которому съ испуга долгое время продолжалъ ползти и везти на себѣ Гавріила Разумовскаго. Съ той поры и до самой старости я всегда былъ крайне остороженъ, когда приходилось купаться въ открытой и незнакомой рѣкѣ. Не знаю, цѣла ли та монастырская поляна, такъ какъ теперь мимо самаго монастыря пролегаетъ желѣзная дорога, строящаяся со Ртищева на Пензу.

Помнится мнѣ, что одно время гимназію нашу, кажется, по случаю ремонта, перевели временно въ помѣщеніе уѣзднаго училища. Домъ уѣзднаго училища былъ какъ разъ напротивъ духовной семинаріи и противъ той улицы, которая спускалась къ рѣкѣ Пензѣ и упиралась въ такъ называемый Казанскій мостъ. И гимназистовъ, и семинаристовъ распускали въ одинъ и тотъ же часъ, и тогда между нами непремѣнно завязывалась драка, кончавшаяся обыкновенно тѣмъ, что семинаристы, отличавшіеся и ростомъ, и дородствомъ, одерживали надъ нами верхъ и буквально загоняли насъ въ мелководную рѣку Пензу, изъ которой всѣ, перепачканные грязью, и выходили только тогда, когда семинаристы съ хохотомъ расходились по домамъ. Драки эти повторялись почти ежедневно.

Во время моего пребыванія въ гимназіи однимъ изъ моихъ любимѣйшихъ развлеченій было посѣщеніе театра. Пенза отличалась тогда преобладаніемъ дворянскаго элемента, среди коего было много любителей драматическаго искусства, одного изъ которыхъ могу назвать, наприм., Ивана Николаевича Горсткина, до того любившаго драматическое искусство, что въ его домѣ былъ устроенъ театръ, который, кажется, до сихъ поръ еще существуетъ.

Въ Пензѣ въ мое время содержалъ труппу нѣкто Залѣсскій, вся семья котораго играла на сценѣ.

Пензенскій театръ не отличался особою изящностью, но все-таки имѣлъ, помнится мнѣ, три яруса ложъ, галлерею и довольно помѣстительный партеръ. Вся бѣда была въ томъ, что онъ освѣщался такъ же, какъ и гимназія, масляными лампами. На потолкѣ, конечно, висѣла люстра и, конечно, зрителямъ галлерей препятствовала смотрѣть на сцену. Былъ при театрѣ и буфетъ съ громадными графинами водки и кое-какими закусками. Папиросы тогда еще не были въ ходу, а курили трубки и табакъ Василія Андреевича Жукова, а потому въ буфетѣ было устроено нѣсколько горокъ для чубуковъ и трубокъ, которыми посѣтители и могли пользоваться за извѣстную плату. Люди небрезгливые курили прямо изъ чу-

буковъ, не разсуждая о томъ, у кого во рту былъ предварительно этотъ чубукъ, но брезгливые требовали непремѣнно, чтобы въ чубукъ было воткнуто гусиное перышко, каковыхъ и заготовлялось великое множество. Нечего говорить, что когда публика закуритъ эти трубки, то въ буфетѣ не было возможности войти, а ежели къ этимъ дымнымъ облакамъ мы прибавимъ еще копоть отъ лампъ и запахъ водки, то можно судить, на что былъ похожъ этотъ буфетъ. Пива тогда еще не пили, о лимонадахъ и шипучихъ водахъ никто не имѣлъ понятія, но за то меды варились такіе, какихъ теперь не встрѣтите. И вотъ тогдашняя публика, вмѣсто прохладительныхъ напитковъ, упивалась этими медами. Въ театрѣ играла музыка губернатора Панчулидзева, и спектакли ранѣе его появленія начинаться не могли. Я отлично это помню. Бывало, оркестръ играетъ, назначенный для спектакля часъ проходилъ, а занавѣсъ все-таки не поднимается. Выражать свое нетерпѣніе тогдашняя публика не смѣла, да никому и въ голову не приходило, а всѣ сидѣли и молча ожидали появленія его превосходительства. Но вотъ въ партерѣ появился полицеймейстеръ Клушинъ и объявляетъ: «губернаторъ ѣдетъ», а вслѣдъ за этимъ въ партерѣ показывается и самъ Панчулидзевъ. Это былъ старикъ средняго роста, гладко остриженный и гладко выбритый. Взглядъ у него былъ строгій, быстрый, носъ орлиный, вообще типъ лица не русскаго происхожденія, но тѣмъ не менѣе старикъ производилъ впечатлѣніе крайне симпатичное. Одѣвался онъ всегда щеголевато и въ театръ являлся не иначе, какъ во фракѣ и съ двумя звѣздами. «Губернаторъ, губернаторъ»,— раздавалось въ партерѣ шепотомъ, а онъ быстро направлялся къ первому ряду, раскланивался во всѣ стороны, а достигнувъ своего мѣста, опускался въ кресло. И вотъ именно въ этотъ-то моментъ занавѣсъ взвивался, и начинался спектакль. Мнѣ, мальчишкѣ, все это даже очень нравилось, и я находилъ это совершенно приличнымъ и необходимымъ. Мнѣ нравилась и осанка губернаторская, и его молніеносный взглядъ, и даже слѣдовавшая за губернаторомъ фигура полицеймейстера.

Точно такіе торжественные входы совершалъ Панчулидзевъ и въ соборъ, съ тою только разницей, что въ соборѣ губернаторскаго появленія не ожидали, а начинали литургію въ свое время.

Труппа Залѣсскаго пріѣзжала въ Пензу лишь на лѣтній сезонъ, такъ какъ зимой играла, кажется, въ Саратовѣ. Залѣсскій и нѣкоторые артисты и артистки въ большинствѣ случаевъ снимали себѣ квартиры на Верхней Пѣшей улицѣ, во флигелѣ при домѣ генерала Юшкова. Это былъ домикъ о пяти окнахъ съ мезониномъ и

былъ наискось отъ нашей квартиры, такъ что, отправляясь въ гимназію, мнѣ каждый разъ приходилось проходить мимо этого домика. Дѣло прошлое... по нѣкоторымъ артисткамъ я вздыхалъ, а потому и судите о томъ волненіи, которое я испытывалъ, проходя мимо этого домика, особливо, когда у растворенныхъ оконъ сидѣли артистки съ работой въ рукахъ и посматривали на проходящихъ. На досугѣ ли тутъ было думать объ алгебрѣ, да геометріи?

Охотникъ былъ до театровъ и Николай Васильевичъ Птенцовъ. Заведешь, бывало, съ нимъ рѣчь о вчерашнемъ спектаклѣ и на душѣ снова сдѣлается легче. Я помню въ труппѣ Залѣсскаго комика Михайлова, у котораго, кажется, было двѣ дочери: одна была водевильная актриса, а другая—танцовщица, танцовавшая въ дивертисментахъ. Пьесы давались въ то время трагическія, наприм.: *Уголино*, *Цампа или дочь разбойника*, *Эсмеральда*, *Тридцать лѣтъ или жизнь игрока* и т. п.

Помню я, былъ у Залѣсскаго трагикъ Карауловъ, такъ тотъ, бывало, такого нагонитъ страху, что всю ночь не заснешь. Помню даже, какъ этотъ Карауловъ въ пьесѣ *Уголино*, когда онъ былъ заточенъ въ тюрьму, пишетъ что то на стѣнѣ углемъ, а потомъ вдругъ, съ ужасомъ отскочивъ отъ написаннаго, бросаетъ въ надпись углемъ и разражается громовымъ хохотомъ. Хохотъ этотъ всегда производилъ потрясающій эффектъ. Залъ оглашался рукоплесканіемъ, а я, вскочивъ съ мѣста, оралъ: Караулова, Караулова! За то, когда, бывало, послѣ этого *Уголино* начинался какой-нибудь водевиль и на сцену выходилъ Михайловъ, у меня словно гора сваливалась съ плечъ и я буквально отдыхалъ отъ ужасовъ предыдущей пьесы. Помню я, когда Милославскій былъ въ Пензѣ освистанъ въ пьесѣ *30 лѣтъ или жизнь игрока*, то я, чуть не молившійся на Милославскаго, до того расплакался, что вынужденъ былъ бѣжать изъ зала. Меня поразили тѣ козни, жертвою которыхъ сдѣлался этотъ талантливый артистъ, именно славившійся исполненіемъ этой пьесы. Любилъ я и Берга, который былъ тогда еще женатъ на первой женѣ, вскорѣ умершей. Въ *Эсмеральдѣ* онъ игралъ синдика, а жена—заглавную роль. Помню я то ужасно трогательное впечатлѣніе, которое производила на меня сцена съ башмачкомъ. Нравился мнѣ въ этой пьесѣ и Карауловъ въ роли Квазимодо. Тогда онъ мнѣ казался такимъ добрымъ и ласковымъ уродомъ, что я готовъ былъ броситься на сцену, чтобы обнять и расцѣловать его.

На Петровъ день въ Пензѣ открывалась такъ называемая Петропавловская ярмарка. На ярмаркѣ этой строился огромный тесовый

балаганъ, въ которомъ и давались театральныя представленія. Это было каникулярное время, и ежели намъ случалось почему-либо оставаться въ Пензѣ, то я цѣлые дни проводилъ въ этомъ театрѣ. По знакомству съ Бергомъ и его женой мнѣ разрѣшалось присутствовать при репетиціяхъ, ходить за кулисы, на сцену, и вообще я тамъ былъ своимъ человѣкомъ. Вотъ однажды Залѣсскій подходитъ ко мнѣ:

— Послушайте, мамочка, — говоритъ онъ мнѣ (у него была привычка говорить «мамочка»),—сегодня идетъ у насъ *Русалка*, а у меня русалокъ-то не хватаетъ, не поплаваете ли вы у меня сегодня?

Признаться, я этого не ожидалъ.

— Какъ, гдѣ плавать? — спрашиваю я.

— Да вы, мамулечка, не бойтесь: плавать не придется, а вы пройдите только раза два-три промежъ водяныхъ декорацій, помахивайте вотъ этакъ головой (онъ показалъ, какъ надо помахивать), а руками махайте, какъ будто плывете.

И, схвативъ меня за руку, онъ побѣжалъ къ водянымъ кулисамъ и показалъ, что именно я долженъ былъ продѣлать. Мнѣ было тогда лѣтъ 12—13, и я тотчасъ же согласился быть русалкой. Въ этотъ же день вечеромъ на меня надѣли какую-то рубашку, обнажили шею и плечи, и я въ компаніи съ другими русалками плавалъ взадъ и впередъ по рѣкѣ и былъ очень доволенъ. За то мать, когда узнала о моемъ поступленіи въ число русалокъ, преисправно наказала меня, и съ тѣхъ поръ уже я никогда русалкой не былъ.

На Петровскую ярмарку пріѣзжалъ обыкновенно и циркъ, который въ то время назывался не циркомъ, а труппою волтижеровъ. Труппа эта возвѣщала обыкновенно гражданамъ о своемъ прибытіи не афишами, а просто разъѣзжала по улицамъ въ своихъ блестящихъ костюмахъ, оглашая воздухъ трубными звуками. Когда совершалось это шествіе, то труппу сопровождала цѣлая толпа зѣвакъ и уличныхъ мальчишекъ, а окна домовъ быстро распахивались, и изъ нихъ высовывались головы обывателей. Волтижеры эти не мало портили дѣла драматической труппы, и актеры, бывало, не безъ злобы относились къ представленіямъ этой труппы. Представленія эти были самыя примитивныя: по канатамъ, наприм., ходили съ длинными шестами, которые служили балансомъ, а когда волтижеръ терялъ равновѣсіе, то просто-на-просто упирался этимъ шестомъ въ землю, причемъ лицо его искажалось отъ страха упасть съ каната. Клоуновъ въ то время не было, а были либо простые

паяцы, либо кто-нибудь изъ труппы выводилъ танцовавшую собачку, либо обезьянку.

Я хотя и посѣщалъ эти представленія, но особеннаго влеченія къ нимъ не чувствовалъ. Бывалъ я на нихъ только тогда, когда почему-либо въ театрѣ не было спектаклей.

— А вы никакъ, мамулечка, вчерась у волтижеровъ были?

— Былъ,— каялся я,— да вѣдь и вы, кажется, были? — прибавлялъ я.

— Ахъ, мамулечка, да вѣдь я дѣлаю это изъ вѣжливости,—и они у насъ бываютъ, такъ надо же визитъ отдать, а вы-то съ какой стати? Ай-ай-ай!

За то когда кончалась ярмарка и когда труппа Залѣсскаго куда-то уѣзжала, я чувствовалъ себя положительно какъ бы осиротѣвшимъ. Сѣренькій домикъ Юшкова пустѣлъ, ставни его оконъ запирались, и, когда я проходилъ мимо него, у меня невольно вырывался тяжелый вздохъ изъ груди.

Лѣтъ десять тому назадъ въ Саратовѣ я былъ въ театрѣ и во время какого-то антракта зашелъ въ буфетъ. Вдругъ подходитъ ко мнѣ какой-то дряхлый старичокъ, согбенный и, потирая руками, ласково проговорилъ:

— А вы не узнаете меня, Илья Александровичъ?

— Виноватъ,— говорю,— не узнаю.

— Я—Залѣсскій.

Я прямо въ восторгъ пришелъ, увидавъ его живымъ, обнялъ старика, расцѣловалъ его, и въ ту же минуту передо мной словно снова воскресла моя юность и то счастливое время, когда я былъ русалкой.

И. Саловъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

УМЧАВШІЕСЯ ГОДЫ*).

(Изъ моихъ воспоминаній).

III.

Изъ всѣхъ пензенскихъ знакомыхъ моей матери болѣе всего сохранились въ моей памяти бывшій въ то время вице-губернаторомъ Иванъ Васильевичъ Олферьевъ, Елизавета Филипповна Вигель (родная сестра Филиппа Филипповича Вигель, когда-то печатавшаго въ *Русскомъ Вѣстникѣ* свои интересныя замѣтки) и Людмила Григорьевна Захарьина, мать нынѣшней медицинской знаменитости. Я уже сказалъ прежде, что первая жена моего отца была сестра Ивана Васильевича Олферьева. Мы считались съ послѣднимъ какъ бы въ роднѣ и были приняты въ его домѣ какъ бы членами его семьи. Это былъ старикъ лѣтъ пятидесяти, крайне добродушный и честнѣйшій. Недвижимаго имѣнія онъ, за исключеніемъ небольшого дома въ Пензѣ на Верхней Пѣшей улицѣ, въ которомъ и жилъ,—не имѣлъ, и существовалъ лишь тѣмъ жалованьемъ, которое получалъ и которое въ то время было, кажется, не особенно значительное. Тѣмъ, не менѣе, однако, въ домѣ его постоянно останавливались всѣ его родные и хорошіе знакомые. Онъ имѣлъ пару лошадей и въ хорошую погоду ѣздилъ обыкновенно въ пролеткѣ, а въ дурную — въ двухмѣстной каретѣ на стоячихъ рессорахъ. Какъ теперь смотрю на него, ѣдущаго въ своей каретѣ въ губернское правленіе съ какимъ-то орденомъ на шеѣ и въ сѣрой шинели съ бархатнымъ воротникомъ. Всѣ уважали его въ Пензѣ за его честность и прямоту. Родной братъ его, Павелъ Васильевичъ Олферьевъ (генералъ-лейтенантъ), когда-то командовалъ корпусомъ и былъ въ большой силѣ. У него было свое имѣніе въ Пензѣ

*) *Русская Мысль*, кн. VII.

и онъ кое-когда пріѣзжалъ въ Пензу. Ивану Васильевичу очень часто приходилось исправлять должность губернатора, что мнѣ всегда очень нравилось, такъ какъ въ это время у подъѣзда его дома всегда стоялъ верховой жандармъ. Форма тогдашнихъ жандармовъ не походила на теперешнюю. Тогда у нихъ мундиры шились фраками, на плечахъ были густые эполеты, на головѣ каска съ причудливо выгнутыми волосяными плюмажами, на груди моталисъ аксельбанты, а усы были всегда до того густо нафабрены, что имѣли видъ стальныхъ, и бѣлыя перчатки съ такими же бѣлыми крагами. Другой такой же жандармъ торчалъ обыкновенно въ его передней. Прійдешь, бывало, къ Ивану Васильевичу и не налюбуешься на этихъ жандармовъ.

За то въ самомъ Иванѣ Васильевичѣ не было ничего воинственнаго. Одѣвался онъ по-стариковски, нюхалъ табакъ изъ золотой табакерки и ласково улыбался, разговаривая со мной. Онъ очень любилъ покушать и кушалъ хотя и тяжело, но вкусно; въ особенности онъ любилъ гречневую кашу, которую всегда обильно пропитывалъ сливочнымъ масломъ, прихлопывалъ ложкой, такъ что каша принимала видъ лепешки, и потомъ аккуратно бралъ ее ложкой, приглаживая края каши. За столомъ у него всегда была бутылка хересу, котораго онъ и выпивалъ за обѣдомъ рюмки двѣ. Мнѣ никогда не случалось видѣть, чтобъ онъ былъ одинъ: всегда у него кто-нибудь гостилъ, даже случались такіе гости, которые пріѣзжали къ нему цѣлыми семьями и жили подолгу. И всегда Иванъ Васильевичъ былъ радъ гостямъ.

Очень любилъ я, когда къ Ивану Васильевичу приходилъ съ докладомъ какой-нибудь чиновникъ. Иванъ Васильевичъ усаживался, бывало, за свой письменный столъ, а я забивался куда-нибудь въ уголъ и слѣдилъ за выраженіями лицъ какъ Ивана Васильевича, такъ и чиновника. Чиновникъ доложитъ, бывало, бумагу и, доложивъ, передастъ ее для подписи. Помню, разъ, когда чиновникъ подсунулъ бумагу Ивану Васильевичу, тотъ вдругъ освирѣпѣлъ и, швырнувъ бумагу на полъ, ударилъ кулакомъ по столу.

— Я уже сказалъ, что не подпишу этой бумаги!

Лицо чиновника приняло какое-то умильное выраженіе и, почтительно пригнувшись къ уху, онъ что-то прошепталъ.

Иванъ Васильевичъ разсвирѣпѣлъ еще пуще.

— А хотя бы и самъ чортъ желалъ, и тогда не подпишу! Пусть подписываютъ другіе...—И бумага опять полетѣла на полъ.

— Такъ и прикажете доложить? — спросилъ чиновникъ.

— Такъ и доложите... Не подпишу.

Такъ и не подписалъ. А между тѣмъ, какъ я узналъ впослѣдствіи, бумага эта очень интересовала нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ лицъ.

Елизавета Филипповна Вигель была древняя-раздревняя старушка, согбенная, худая и ходила не иначе, какъ съ костылемъ, постукивая имъ по полу. Ѣздила она въ каретѣ цугомъ, непремѣнно съ двумя лакеями на запяткахъ, одѣтыми въ ливреи и треугольныя шляпы.

Послѣ, много лѣтъ спустя, когда я былъ въ Москвѣ на первомъ представленіи драмы Островскаго *Гроза* и когда вышла на сцену старуха съ двумя лакеями, то я даже вздрогнулъ, подумавъ, что это явилась Елизавета Филипповна Вигель.

Она была крайне набожная и богомольная старуха, чуть не каждый день ѣздила къ обѣднѣ и, пріѣхавъ въ церковь, первымъ дѣломъ начинала прикладываться къ иконамъ, а иконамъ, которыхъ не могла достать, посылала воздушные поцѣлуи. У нея были любимыя иконы, которыя она особенно чтила и къ которымъ прикладывалась не только губами, но даже и лбомъ. Въ числѣ этихъ-то любимыхъ иконъ была икона Николая Чудотворца съ выпуклыми сапожками. Однажды какъ-то Елизавета Филипповна пожелала видѣть эту икону у себя въ домѣ, о каковомъ желаніи и сообщила мѣстному священнику.

— Только смотри, отецъ, того самаго угодника, про котораго я тебѣ говорила.

Священникъ обѣщалъ, но когда пришло время нести икону къ Елизаветѣ Филипповнѣ, даже забылъ про свое обѣщаніе. Онъ вспомнилъ о немъ только на полдорогѣ: «ну, да сойдетъ, — подумалъ онъ,—со слѣпу-то и не разберетъ даже». И вотъ икона была принесена въ домъ къ Елизаветѣ Филипповнѣ, которая по старости лѣтъ плохо видѣла, но когда Елизавета Филипповна приложилась къ образу и ощутила, что сапожки у Николая угодника были невыпуклы, то вышла изъ себя и даже хотѣла отправить икону назадъ, да уговорилъ кое-какъ священникъ.

Захарьины были собственно саратовскіе мелкопомѣстные помѣщики, и нынѣшняя знаменитость обучалась, сколько мнѣ помнится, въ саратовской гимназіи, но его мать Людмила Григорьевна почему-то очень часто пріѣзжала въ Пензу, подолгу гостила тамъ и всегда ходила къ моей матери, такъ какъ была съ ней очень дружна.

Людмила Григорьевна была іудейскаго вѣроисповѣданія, но приняла православіе. Ее очень тревожило непониманіе нѣкоторыхъ религіозныхъ вопросовъ, и тревожило до такой степени, что она вча-

стую расплакивалась... И вотъ въ такіе-то именно моменты она всегда обращалась съ просьбой къ матери съѣздить съ нею къ преосвященному Амвросію, тому самому, который у насъ освящалъ въ Никольскомъ церковь и котораго мать моя, искренно чтила. И вотъ я помню, что Людмилу Григорьевну очень безпокоилъ слѣдующій текстъ Св. Писанія: «блаженни убивающіе свои младенцы о камни». Помнится мнѣ, что и я присутствовалъ у преосвященнаго, когда онъ объяснялъ ей это мѣсто такимъ образомъ, что подъ словомъ «младенецъ» слѣдовало разумѣть зародыши страстей нашихъ. Я въ это время, будучи въ гимназіи, зубрилъ катехизисъ и, услыхавъ такое объясненіе преосвященнаго Амвросія, вспомнилъ слѣдующій вопросъ катехизиса: «какъ сіе нужно понимать?» — и отвѣтъ на этотъ вопросъ: сіе надо понимать духовно... И мнѣ такъ сдѣлалось смѣшно, что, вѣроятно, я разсмѣялся бы, еслибъ не ѣлъ въ это время моченое яблоко, до которыхъ Амвросій былъ большой охотникъ и которыми угощалъ своихъ гостей.

Людмила Григорьевна была женщина маленькаго роста, худенькая, согбенная и съ больными глазами, изъ которыхъ постоянно точились слезы, а такъ какъ она безпрерывно ихъ вытирала платкомъ, то и имѣла какой-то плаксивый видъ. Когда она смотрѣла на васъ, она смотрѣла всегда искоса, какъ будто плохо видѣла васъ, и осматривала всегда съ ногъ до головы. Сколько ей тогда было лѣтъ, я не знаю, но думаю, что лѣтъ за сорокъ. Одѣвалась она весьма скромно: въ темное платье съ кружевною пелериной и почти всегда въ рукахъ у нея былъ ридикюль. Одновременно съ нею пріѣзжала къ намъ и ея дочь Елизавета Антоновна, дѣвушка лѣтъ 16 — 17, вышедшая замужъ за князя Мансурова (ежели только не ошибаюсь въ фамиліи, но хорошо помню, что за князя). Бывалъ у насъ и этотъ князь, и чуть ли не у насъ въ домѣ познакомились эти молодые люди. Надо думать, что смолоду Людмила Григорьевна была очень хороша, а потому и не мудрено, что дочь ея была очень красивая дѣвушка. Она была очень веселаго и симпатичнаго характера. Старика Захарьина я почему-то никогда не видалъ, а потому не имѣю о немъ ни малѣйшаго представленія. Помню, что когда нынѣшняя знаменитость кончила курсъ въ гимназіи, то Людмила Григорьевна, не имѣя средствъ отправить сына въ университетъ, обратилась къ знакомымъ съ просьбою помочь ей въ этомъ и открыть подписку.

Пріѣзжалъ въ Пензу по дѣламъ службу и мой опекунъ Алексѣй Алексѣевичъ Тучковъ. Алексѣй Алексѣевичъ почему-то былъ не въ ладахъ съ губернаторомъ Панчулидзевымъ, и когда попадалъ къ

намъ въ домъ прямо отъ губернатора, то всегда былъ разстроенъ и не въ духѣ. За то въ другое время всегда былъ веселъ и говорливъ и сообщалъ много анекдотовъ о бывшей въ то время французской революціи. Однажды, пріѣхавъ къ намъ, онъ вынулъ изъ кармана какую-то книжечку и, обратясь къ матери, весело проговорилъ:

— Представьте, что обо мнѣ написалъ нашъ поэтъ Денисъ Васильевичъ Давыдовъ.

И онъ принялся читать какое-то стихотвореніе, указывая пальцемъ на слѣдующія строки:

А глядишь, нашъ Лафайетъ,
Брутъ или Фабрицій
Мужиковъ подъ прессъ кладетъ
Вмѣстѣ съ свекловицей...

И, расхохотавшись, прибавилъ:

— Какъ вамъ это понравится?

— Почему же вы думаете, что это именно про васъ говорится? Развѣ у васъ у однихъ свеклосахарный заводъ?

— Конечно, не у одного, но я одинъ, которому дѣлаютъ честь называть Лафайетомъ. Но поэтъ ошибся: 1) я не Лафайетъ, а 2) мужиковъ подъ прессъ не кладу... Думаю, что всему виной моя борода, обрить которую ко мнѣ пристаютъ.

И дѣйствительно, я никогда не слыхалъ, чтобы кто-нибудь изъ крѣпостныхъ людей Тучкова враждебно къ нему относился, а, напротивъ, всѣ любили его и отзывались о немъ, какъ о самомъ «простомъ» баринѣ.

Жилъ онъ въ своемъ имѣніи, селѣ Яхонтовѣ. У него былъ, помнится мнѣ, очень красивый домъ, окруженный садомъ, совсѣмъ не похожій на обыкновенные помѣщичьи дома. Онъ даже и жилъ не такъ, какъ жили помѣщики того времени, а какъ-то по-иному, не по-русски. Въ то время дочери его не были еще замужемъ и при нихъ состояла гувернантка француженка м-ль Мишель. Разговоры въ домѣ Алексѣя Алексѣевича происходили на французскомъ языкѣ, и барышни одѣвались совсѣмъ не такъ, какъ одѣвались другія. Наталья Алексѣевна, впослѣдствіи Огарева, была очень веселая и бойкая барышня, къ которой я питалъ не только симпатію, но нѣчто даже болѣе серьезное... Помнится мнѣ, что моя комната приходилась надъ комнатою барышенъ, такъ что мое окно было какъ разъ надъ ихъ окномъ. И вотъ, воротясь въ свою комнату, я, бывало, начиналъ угощать ихъ разными сластями: грушами, сливами, персиками, которыя и спускалъ имъ, привязавъ къ ниточкѣ.

Однажды я до того замечтался, что, улегшись въ постель, забылъ потушить свѣчу, которая стояла возлѣ моей кровати на соломенномъ стулѣ. Опрокинулъ ли я свѣчу, или она сама обгорѣла и упала, я не помню, помню только, что меня пробудилъ какой-то яркій свѣтъ, бросавшійся мнѣ прямо въ глаза. Я проснулся, бросился въ испугѣ съ постели и только тогда увидалъ горѣвшій стулъ. Въ комнатѣ былъ рукомойникъ, изъ котораго я принялся тушить пожаръ. Однако, дѣло кончилось благополучно и о пожарѣ этомъ, конечно, никто бы не узналъ, еслибъ вода не протекла въ комнату барышенъ.

Иванъ Николаевичъ Горсткинъ, о которомъ я уже упоминалъ, былъ очень друженъ съ Тучковымъ, постоянно сопровождалъ его и бывалъ у насъ. Въ то время онъ былъ женатъ, кажется, на Олсуфьевой, ему тогда было лѣтъ пятьдесятъ. Онъ имѣлъ типичное лицо съ выдающимися впередъ подбородкомъ и нижнею челюстью, почему лицо его имѣло крайне саркастическое выраженіе, высокій лобъ и большіе выразительные глаза. Я уже сказалъ, что это былъ страстный любитель театральнаго дѣла, построившій въ своемъ домѣ описанный мною театръ. Кабинетъ его былъ какъ разъ подъ сценой и изъ этого кабинета былъ ходъ за кулисы. Въ этомъ-то театрѣ въ зимнее время и давались любительскіе благотворительные спектакли, которые всегда привлекали массу публики и всегда приводили ее въ восхищеніе. Горсткинъ былъ режиссеромъ этихъ спектаклей и всегда въ нихъ участвовалъ. Лучшими исполнителями считались тогда Иванъ Николаевичъ Горсткинъ, Софья Алексѣевна Панчулидзева, Сушкова, Сергѣй Маркеловичъ Загоскинъ (племянникъ писателя М. Н. Загоскина), гг. Всеволожскій, Соболевскій и другъ. Стектакли эти отличались, помимо прекраснаго исполненія, и роскошною обстановкой, когда таковая требовалась. Приносилась изящная мебель, сцена украшалась растеніями, картинами, бронзой... Какъ теперь помню одинъ спектакль, на которомъ давались: *Параша Сибирячка* и водевиль *Андрей Степановичъ Бука*. Парашу играла Софья Алексѣевна Панчулидзева, а отца, т.-е. сосланнаго, Иванъ Николаевичъ Горсткинъ. Андрея Степановича Буку исполнялъ Соболевскій. Спектакль этотъ былъ настолько удаченъ, что до сихъ поръ врѣзался въ моей памяти.

По окончаніи этихъ спектаклей занавѣсъ обыкновенно подымался, и на сценѣ происходили танцы, а затѣмъ накрывались столы и подавался ужинъ. Злые языки того времени (а когда только ихъ не было и когда только ихъ не будетъ?) говорили, что всѣ эти ужины дѣлались на счетъ бѣдныхъ, но я полагаю, что эта была

клевета, такъ какъ любители были люди весьма богатые и дѣйствительно заботившіеся о бѣдныхъ. Ничего нѣтъ удивительнаго послѣ этого, что спектакли эти длились почти до разсвѣта и что очень часто участвовавшіе оставались тамъ до утра. О спектакляхъ этихъ обыкновенно печатались отчеты въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ, сопровождавшіеся рецензіями. Кромѣ *Губернскихъ Вѣдомостей*, въ Пензѣ мѣстныхъ газетъ не было, кажется, нѣтъ даже и теперь, когда значительно развилась провинціальная пресса. Въ этомъ случаѣ нельзя не упрекнуть городъ Пензу.

Съ наступленіемъ каникулъ мы обыкновенно уѣзжали въ деревню, въ село Никольское. Для этого нанимался ямщикъ, который за извѣстную плату и долженъ былъ доставить насъ изъ Пензы до Никольскаго, которое было отъ Пензы верстахъ въ 160—170. Запрягался обыкновенно четверикъ лошадей въ громадную тяжелую коляску, нагружались туда всевозможные чемоданы, узлы и подушки, и вотъ на эти-то подушки разсаживались и мы, т.-е. мать, я, братъ, двѣ горничныхъ и собачонка Эсперка. Помню, что ямщикъ, прежде чѣмъ пускаться въ путь, бралъ въ руки эту собачонку и давалъ каждой лошади обнюхать ее.

— Это зачѣмъ ты дѣлаешь?—спросилъ я однажды ямщика.

— Чтобы лошади не потѣли,—отвѣчалъ ямщикъ.

И я былъ вполнѣ увѣренъ, что ямщикъ правъ и что лошади потѣть не будутъ, хотя почти всегда лошади, не успѣвъ сдѣлать 5—6 верстъ, были уже въ мылѣ. Но ямщикъ приписывалъ это жаркому времени, а нисколько не собачкѣ и не тяжести экипажа.

Мнѣ и брату сидѣть въ этой коляскѣ было хуже другихъ: такъ какъ сажали насъ обыкновенно въ середину, то насъ придавливали либо горничныя, либо мать, либо какіе-нибудь узлы и подушки, почему я очень часто садился либо на козлы, рядомъ съ ямщикомъ, либо къ лакею на заднее сидѣнье. Несмотря, однако, на столь неудобное путешествіе, мы съ братомъ всегда восторгались, оставляя пыльный городъ... И стоило только выѣхать намъ въ поле, какъ мы выскакивали изъ экипажа, а за нами выскакивала и Эсперка и бѣжали, что было мочи, восхищаясь и полями, и лѣсами и даже той песчаной дорогой, которой приходилось бѣжать, утопая ногами въ пескѣ. Очень радовался этому и ямщикъ, такъ какъ тоже слѣзалъ съ козелъ и шелъ пѣшкомъ рядомъ съ экипажемъ. Мать мою это очень сердило, такъ какъ приходилось ѣхать шагомъ.

— Ну, не замай ихъ, барыня, пущай побѣгаютъ... Поди, имъ въ городѣ-то прискучило сидѣть на одномъ мѣстѣ... Пущай порѣзвятся!

Но ямщикъ хлопоталъ, конечно, не объ насъ, а о своихъ лошадяхъ, которымъ представлялся случай пройтись шагомъ.

Путешествіе это продолжалось обыкновенно дня три-четыре. Для кормежки лошадей мы заѣзжали на постоялые дворы, а ночевать обыкновенно потрафляли въ какой-нибудь городъ, либо къ кому-нибудь изъ знакомыхъ.

Какъ теперь помню, что первымъ нашимъ ночлегомъ былъ городъ Мокшанъ, по рѣкѣ Мокшѣ. Въ этомъ-то городѣ Мокшанѣ былъ у насъ такой случай.

Остановились мы на ночевку въ какомъ-то низенькомъ домѣ. Мнѣ постлали постель на полу подъ открытымъ окномъ. Рядомъ съ этимъ окномъ въ простѣнкѣ стоялъ столъ, къ которому и были прислонены мои подушки. Въ этой же комнатѣ расположились и мать, и братъ, и одна изъ горничныхъ. Мать, раздѣвшись, положила свои часы на тотъ столъ, который былъ въ моемъ изголовьѣ. Утомленные дорогой, а пуще всего той жарой, которая царила весь день, мы вскорѣ заснули. Ночь была лунная, свѣтлая. Долго ли я спалъ, я не помню, помню только, что, какъ-то проснувшись ночью, я вижу, что надъ моимъ лицомъ протянулась чья-то рука изъ окна. Я до того перепугался, что не смѣлъ пошевельнуться и только успокоился тогда, когда рука эта скрылась, а подъ окномъ послышались чьи-то удалявшіеся торопливые шаги. Завернувшись въ одѣяло, я снова заснулъ и проспалъ до самаго утра. Когда подали самоваръ, мать приказала намъ вставать. Мы встали, умылись, одѣлись и сѣли за чайный столъ. Но каково же было изумленіе матери, когда она убѣдилась, что часовъ ея нѣтъ.

Только тогда вспомнилъ я про ту руку, которую видѣлъ ночью, и сообщилъ объ этомъ матери. Услыхавъ это, горничная Прасковья даже руками всплеснула:

— Да вѣдь и я видѣла! — вскрикнула она. — Вотъ ей-Богу видѣла!

— И видѣла, какъ онъ тянулся за часами?—спросила мать.

— Видѣла, матушка.

— Почему же ты не разбудила насъ?

— Невдомекъ было, матушка... Заспала...

Такъ часы матери и пропали.

А другой случай былъ слѣдующій:

Остановились мы кормить лошадей на постояломъ дворѣ въ какомъ-то селѣ, и такъ какъ часъ былъ обѣденный, то мать и рѣшила тутъ пообѣдать. Хозяйка постоялаго двора, простая крестьянская баба, начала собирать обѣдъ, а я началъ разсматривать прибитыя

къ стѣнѣ лубочныя картинки. Одна изъ этихъ картинокъ изображала слѣдующее: на заднемъ планѣ возвышался сосновый лѣсъ,—лѣсъ, вымазанный за одинъ махъ зеленой краской,—а въ лѣсу два мужика, неистово колотившіе другъ друга. Внизу этой картинь была слѣдующая надпись: «Два дурака дерутся, а третій смотритъ». Вотъ я и принялся разыскивать, гдѣ же третій мужикъ, и какъ я ни пялилъ глаза на зеленый лѣсъ, стараясь разыскать третьяго въ чащѣ этого лѣса, но разыскать никакъ не могъ. Только тогда я догадался, гдѣ именно былъ третій и, догадавшись, покатился со смѣха.

Вторую или третью ночь намъ приходилось ночевать у помѣщицы Ольги Васильевны Кошкаровой, большой пріятельницы матери. Это была типичная старуха, пройти которую молчаніемъ нельзя. Она была дочь сельскаго дьячка и четырнадцати лѣтъ вышла замужъ за мѣстнаго помѣщика Кошкарова, по уши въ нее влюбившагося. Когда мы бывали у нея, ей было уже лѣтъ 60, но, несмотря на этотъ почтенный возрастъ, она была до крайности красива и эффектна и поразительно походила на Екатерину Великую: такой же ростъ, также причесанные сѣдые волосы и та же свѣжесть лица.

Жила Кошкарова великолѣпно. Домъ ея былъ громадный, двухэтажный, съ большими комнатами, съ паркетными полами и огромною залой въ два свѣта. Меня больше всего удивляло, что въ дверяхъ каждой комнаты, вытянувшись струнокй, стоялъ лакей въ башмакахъ и чулкахъ. Лакеи эти торчали на своихъ мѣстахъ даже и тогда, когда въ комнатѣ никого не было. Кошкарова жила совершенно одна, такъ какъ дѣти ея были уже отдѣлены и жили по своимъ имѣніямъ. Я очень любилъ, когда мы останавливались у Ольги Васильевны Кошкаровой: во-первыхъ, потому, что она была очень привѣтлива, а во-вторыхъ потому, что постели у нея были всегда такъ мягки и покойны и такъ хорошо приготовлены, что я, бывало, всегда спалъ у нея и не могъ до сыта наспаться. Мебель у нея была изящная, много картинъ, бронзы, статуй и непремѣнно въ каждой комнатѣ имѣлись часы подъ изящными стеклянными колпаками. Часы эти шли такъ аккуратно, что, какъ только кончался бой въ одной комнатѣ, начинали звонить другіе и т. д., а такъ какъ всѣ эти часы били каждую четверть, то мягкій музыкальный звонъ ихъ продолжался чуть ли не цѣлый день. Меня это очень забавляло и тѣшило. Забавляли меня и лакеи въ башмакахъ и чулкахъ. Позвонитъ, бывало, Ольга Васильевна серебрянымъ колокольчикомъ, и лакей мгновенно вздрагивалъ, словно его кольнулъ кто-нибудь, становился на цыпочки и, почтительно подойдя къ барынѣ, весь пре-

вращался въ слухъ. Барыня приказывала ему что-нибудь, онъ быстро поворачивался назадъ и точно также на цыпочкахъ подходилъ къ слѣдующему лакею и шепотомъ передавалъ ему приказаніе барыни, тотъ въ свою очередь дѣлалъ тоже, а въ концѣ концовъ исполнялось приказаніе барыни, но не тѣмъ лакеемъ, который его непосредственно получалъ, а совсѣмъ другимъ лицомъ. Эта церемонія всегда удивляла мать.

— Помилуйте,—говорила она,—вы живете совершенно одни, а у васъ въ каждой комнатѣ по лакею, а горничныхъ даже и не сосчитаешь.

— Ахъ, Боже мой!—возражала Кошкарова,—да куда же мнѣ дѣвать всю эту сволочь, когда у меня дворовыхъ людей болѣе трехсотъ душъ?

И дѣйствительно, дворня у нея была многочисленная, и такъ какъ каждый изъ ея дворни имѣлъ собственный свой домикъ и свою усадьбицу, то вокругъ ея дома былъ словно маленькій городокъ.

Это была крайне богомольная старуха, каждый праздникъ посѣщавшая церковь, а наканунѣ праздника въ домѣ ея служились всенощныя. У нея была даже особая комната, называвшаяся молельной. Стѣны этой комнаты съ пола до потолка были увѣшаны иконами въ дорогихъ ризахъ и передъ каждой иконой непремѣнно теплилась лампадка, а въ переднемъ углу былъ столъ на манеръ церковнаго престола, возлѣ котораго возвышался аналой. Противъ этого-то стола становился обыкновенно священникъ во время всенощной. Ольга Васильевна почти всю всенощную выстаивала на колѣняхъ, почему ей и постилался всегда мягкій коверъ. Молилась она усердно и часто дѣлала земные поклоны. Ко всенощной должна была приходить и дворня, почтительно становившаяся въ заднемъ углу и не смѣвшая пошевельнуться. Вообще во время всенощной тишина царила мертвая и только одна дочь Ольги Васильевны, ежели не ошибаюсь, Екатерина Ивановна, успѣвшая уже овдовѣть, наѣзжавшая иногда къ матери, нарушала эту тишину и благолѣпіе. Это была барыня лѣтъ тридцати, живая, бойкая, великая болтунья и довольно красивая собой. Вотъ эта-то Екатерина Ивановна и не могла никакъ утерпѣть, чтобы съ кѣмъ-нибудь не поболтать и не посмѣяться за всенощной, чѣмъ и приводила всегда въ смущеніе старуху Кошкарову.

Однажды былъ я свидѣтелемъ подобной сцены: дьячокъ началъ читать какія-то молитвы, а Екатерина Ивановна, стоявшая рядомъ съ моею матерью и со мной, вытащила изъ кармана какую-то книжечку, зажгла восковую свѣчку и принялась за чтеніе. Мать, за-

глянувшая въ книгу, была крайне удивлена, увидавъ, что то былъ французскій романъ.

— Что это вы читаете?

— Графъ Монте-Кристо Дюма.

— Во время всенощной?

— Ахъ, ma chère!—чуть не вскрикнула она, пожимая плечами,—да развѣ есть какая-нибудь возможность разобрать, что бормочетъ этотъ противный дьячокъ? А романъ мнѣ дали на короткое время, съ условіемъ послѣ завтра возвратить его.

— Тсс...—раздается голосъ старухи.

— А романъ такъ интересенъ, такъ интересенъ,—шепчетъ Екатерина Ивановна, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ,—что я просто захлебываюсь, читая его.

— Тсс...—раздается опять шиканье старухи.

— Совѣтую, ma chère, прочесть его. Ахъ, какой геній этотъ Дюма!... Какой геній...

— Да перестань же, Катя!—замѣчаетъ, наконецъ, старуха и, взглянувъ на дочь, удивленно пожимаетъ плечами.

— Кончила, кончила, maman!...

И, опустившись на колѣни, осѣняетъ себя крестнымъ знаменіемъ и, поводя свѣчей по книжечкѣ, продолжаетъ чтеніе Монте-Кристо.

Наконецъ, всенощная кончилась. Двѣ горничныхъ подбѣгаютъ къ старухѣ и помогаютъ ей встать на ноги. Та встаетъ и, принявъ величавую осанку, медленно направляется къ выходу изъ молельни. Успѣвшіе разоблачиться, священникъ и дьяконъ отвѣшиваютъ ей почтительный поклонъ.

— Дворецкій!—слышится голосъ Кошкаровой, обращающейся къ старому дворецкому. И когда дворецкій, подойдя къ ней на цыпочкахъ, остановился, она прибавила, указывая на священника и дьякона рукой:—Напой ихъ чаемъ и дай поѣсть чего-нибудь!

И проговоривъ это, она величавой походкой выходила изъ молельни.

Немного погодя, мы сидѣли уже въ ярко-освѣщенной гостиной.

— Послушайте, Ольга Васильевна,—проговорила мать, удивленная такимъ непочтительнымъ обращеніемъ старухи со священникомъ и дьякономъ,—почему вы ихъ не пригласили сюда?

— А потому, милая моя, что я еще съ дѣтства наглядѣлась на эту братію и знаю отлично, что это за народъ. Пробовала я ихъ къ себѣ въ гостиную-то приглашать и закаилась. Нѣтъ, имъ тамъ въ лакейской самое настоящее мѣсто и дальше лакейской они у меня ступить не смѣютъ.

Теперь все это покажется страннымъ, но тогда, когда существовало во всей своей силѣ крѣпостное право, все это было дѣломъ весьма обыкновеннымъ.

Потомъ намъ приходилось ночевать у одного сельскаго священника, котораго звали отецъ Иванъ. Отецъ Иванъ тоже былъ типъ своего рода, а потому остановлюсь и на немъ. Это былъ человѣкъ средняго роста, смуглый, съ черными волосами и походившій скорѣе на цыгана, чѣмъ на священника. Онъ былъ большой болтунъ, говорившій всегда прибаутками, подмигивающій глазомъ и становившійся фертомъ, начиная что-либо разсказывать.

— А, наконецъ-то, пожаловали!—кричалъ онъ обыкновенно, завидѣвъ нашъ рыдванъ.—А лошадки-то у васъ пріутомились, не отдышатся!—И потомъ, обратясь къ ямщику:—Ахъ, это ты, Герасимъ!

— Я, батюшка,—отвѣчалъ тотъ.

— И тебя тоже радъ видѣть... Пожалуйте, пожалуйте!—продолжалъ онъ, обращаясь къ матери.—Я, признаться, давно поджидаю васъ... Даже началъ безпокоиться... Ужъ не случилось ли чего, думаю. Знаю, что гимназистовъ давно распустили, а моихъ пріятелей все нѣтъ, какъ нѣтъ.

Отецъ Иванъ былъ вдовецъ и жилъ на холостую ногу. Это былъ отличный хозяинъ, а главнымъ его занятіемъ было коневодство. У него было штукъ пять-шесть породистыхъ матокъ, почему на конюшнѣ у него всегда было по нѣскольку молодыхъ лошадей, которыхъ онъ самъ наѣзжалъ, а затѣмъ и сбывалъ выгодно на ярмаркѣ либо въ Пензѣ, либо въ Саранскѣ. Какъ называлось село, гдѣ онъ священствовалъ, я не помню, но очень хорошо знаю, что оно было верстахъ въ 30 отъ нашего Никольскаго. Мой отецъ былъ тоже охотникъ до лошадей, поэтому отецъ Иванъ бывалъ у насъ довольно часто. Пріѣзжалъ онъ къ намъ обыкновенно такъ: въ какой-то куртκѣ, въ картузѣ страннаго фасона и непремѣнно на бѣговыхъ дрожкахъ, запряженныхъ красивымъ и статнымъ жеребцомъ. Подлетитъ, бывало къ крыльцу дома и начнетъ кричать кучеровъ и махать руками.

— Ну, чего тамъ рты-то разинули?—кричитъ онъ, бывало.—Аль не видите, что самъ цыганъ пріѣхалъ? Берите коня-то, да хорошенько выводить, а поить не смѣть. Самъ напою. Да смотрѣть у меня въ оба! Не то зубы начищу,—прибавитъ онъ расхохотавшись.

Выходилъ отецъ на крыльцо и, осмотрѣвъ кругомъ лошадь, спрашивалъ:

— Отъ Визопура?

— Отъ Визопура.

— А мать?

— Извѣстно, Лебедка.

— Хорошъ, хорошъ!—говорилъ отецъ, любуясь лошадью.

— Ч. П.

— Ну, положимъ, не Ч. П.,—замѣчалъ отецъ,—а, все-таки, хорошъ. Рубликовъ 300—400 дадутъ, пожалуй.

Но отецъ Иванъ разражался неистовымъ хохотомъ.

— Нѣтъ-съ, шалите-съ! Трехсотокъ-то пущай у другихъ поповъ покупаютъ, а мы изъ-за такой калечи рукъ марать не станемъ. Аттанде-съ!

И вдругъ, увидавъ борзую собаку, восклицалъ:

— Это откуда у васъ песъ-то? Я что-то не знаю его.

— Барычевъ подарилъ.

— Крымачъ?

— Да, крымачъ.

— И люблю я только этихъ крымачей,—вскрикивалъ отецъ Иванъ, лаская собаку.—И нерѣзво, кажись, скачутъ, а ужъ ни одинъ русакъ не уйдетъ. У меня былъ одинъ такой-то крымачъ «Катай», кличка была, такъ тотъ, бывало, за русакомъ-то верстъ 5 — 6 ковыляетъ и кончитъ тѣмъ, что загоняетъ да загоняетъ бѣднягу.

Помимо коннаго завода, у о. Ивана былъ фруктовый садикъ, имъ самимъ разведенный, пчельникъ и вѣтряная мельница. Поэтому онъ всегда былъ перепачканъ либо мукой, либо искусанъ пчелами. Онъ былъ великій хлѣбосолъ и очень любилъ, когда къ нему кто-либо заѣзжалъ. У него постоянно имѣлась разныхъ сортовъ наливка запеканка, много разнаго варенья, смоквы и т. п.

Братъ мой Александръ Александровичъ въ гимназіи по болѣзни не былъ и получилъ домашнее воспитаніе. Онъ тоже жилъ съ нами въ Пензѣ, а на лѣто точно такъ же, какъ и я, уѣзжалъ въ деревню. У него была очень странная слабость: онъ не могъ хладнокровно видѣть колокольню и, едва завидѣвъ таковую, блѣднѣлъ и волновался. Его такъ и тянуло на эту колокольню, такъ и рвался туда, чтобы досыта натрезвониться въ колокола. Когда въ Никольскомъ строилась церковь, онъ цѣлые дни проводилъ на колокольнѣ съ какимъ-то болѣзненнымъ наслажденіемъ занимаясь трезвономъ. Въ это время глаза его разгорались, лицо покрывалось румянцемъ и, покачивая головой и улыбаясь, онъ выдѣлывалъ на колоколахъ такія штуки, какихъ не продѣлаетъ любой звонарь. Отецъ Иванъ,

который зналъ эту слабость брата, всегда угощалъ его своей колокольней, почему во время нашего пріѣзда село это цѣлый день оглашалось трезвономъ. Въ настоящее время, конечно, такія слабости не поощряются,—ну, а въ то время было все возможно.

Помнится мнѣ, что тотчасъ за этимъ селомъ была крутая гора, по которой намъ и приходилось спускаться. Внизу этой горы протекала рѣчонка съ перекинутымъ черезъ нее дырявымъ мостикомъ. Гора эта была очень крутая, а потому мы всегда выходили изъ экипажа и обыкновенно спускались съ горы пѣшкомъ. Отецъ Иванъ обыкновенно провожалъ насъ и только разставался съ нами тогда, когда мы, пройдя мостъ, усаживались въ свой рыдванъ, а ямщикъ начиналъ разбирать возжи.

Однажды во время такихъ проводовъ мы увидали, что съ противоположной горы, на которую намъ предстояло взбираться, спускался какой-то тарантасъ, запряженный тройкою лошадей и поднимавшій цѣлое облако пыли.

— А, вѣдь, это становой Барычевъ!—вскрикнулъ о. Иванъ, разсматривая спускавшійся тарантасъ.—Такъ и есть: онъ, онъ!—прибавилъ онъ весело.—Очень радъ... Очень радъ! Онъ такой же лошадникъ, какъ и я. Устрою ему генеральную выводку и не увижу, какъ день-то пролетитъ.

И дѣйствительно, когда тарантасъ спустился съ горы и подъѣхалъ къ нашему экипажу, мы увидали въ немъ фигуру станового пристава Барычева, покрытаго густымъ слоемъ пыли.

— Ба, ба, ба!—кричалъ онъ.—Вотъ неожиданная-то встрѣча.

И, выскочивъ изъ тарантаса, подбѣжалъ къ матери и поцѣловалъ у нея ручку.

— Ну, а я къ тебѣ, отче,—прибавилъ онъ, обратясь къ отцу Ивану.

— Очень радъ, очень радъ!

— Ну, не знаю, будешь ли радоваться, когда узнаешь, зачѣмъ именно я пожаловалъ къ тебѣ.

— Ты пугаешь меня.

— На то мы и созданы.

— Да ты, можетъ, шутишь?

— Нѣтъ, братецъ, не шучу.

И онъ принялся что-то нашептывать отцу Ивану, а о. Иванъ, слушая его, то блѣднѣлъ, то краснѣлъ.

— Неужто?—спрашивалъ онъ.—Да нѣтъ, быть не можетъ...

— Вѣрно говорю тебѣ.

— Что же мнѣ дѣлать?... Что же мнѣ дѣлать?

— Въ городъ ѣхать надо хлопотать... Денегъ у тебя много. Захвати деньжатъ побольше, можетъ и схлопочешь.

Только-что веселый и живой о. Иванъ моментально преобразился: словно его въ воду окунули. Онъ молча усѣлся въ тарантасъ Барычева, а мы, распростившись съ ними, тронулись въ путь. Позже мы узнали, что сынъ о. Ивана, проживавшій въ Пензѣ, что-то такое натворилъ и попалъ подъ слѣдствіе.

Но мы не всегда ѣздили въ деревню на долгихъ, иногда ѣздили и на почтовыхъ. Тогда дорога наша измѣнялась. До Саранска мы ѣхали на почтовыхъ по почтовому тракту, а въ Саранскѣ насъ ожидали обыкновенно подставныя лошади изъ Никольскаго. Въ Саранскѣ жили наши родственницы, двѣ старушки Граве, у которыхъ имѣлся собственный домикъ. Къ этимъ-то Граве мы обыкновенно и заѣзжали, гдѣ и заставали выѣхавшихъ за нами лошадей. Какъ звали этихъ старушекъ и какъ именно приходились онѣ намъ сродни, я не помню; помню только, что въ домѣ у нихъ было пропасть маленькихъ комнатныхъ собачонокъ, которыя своимъ звонкимъ лаемъ всегда приводили меня въ ужасъ, но за то выѣхавшій къ намъ на подставу нашъ кучеръ Ѳедоръ Иванычъ приводилъ насъ съ братомъ въ такой восторгъ, что мы почти не отходили отъ него, разспрашивая его о Никольскомъ и о житьѣ-бытьѣ дворовыхъ мальчишекъ, съ которыми у насъ существовала великая дружба. Затѣмъ мы его тащили въ конюшню и не могли до-сыта наглядѣться на пріѣхавшихъ за нами лошадей, съ которыми такъ давно не видались. Мы входили къ нимъ въ стойло, гладили ихъ, цѣловали въ морду, кормили хлѣбомъ, сахаромъ и даже разспрашивали ихъ о здоровьѣ. Изъ Саранска до Никольскаго было 60 верстъ, которыя мы дѣлали въ двѣ пряжки. Останавливались мы кормить лошадей либо въ заштатномъ городѣ Шишкеевѣ у знакомаго намъ станового пристава Барычева, либо въ Акшинѣ, въ домѣ Огарева.

Огаревъ уже давно не жилъ въ деревнѣ, а потому мы и останавливались въ совершенно пустомъ домѣ. Помню я большой залъ въ этомъ домѣ, въ два свѣта и съ хорами, балконъ, выходившій прямо въ густой паркъ, заброшенный, запущенный и поросшій крапивой и лопушникомъ. Этотъ пустой домъ и заброшенный паркъ нагоняли на меня всегда тоску. Помню, что къ намъ всегда являлся приказчикъ Огарева, изъ крѣпостныхъ дворовыхъ людей, являлся всегда тщательно одѣтый, съ какимъ-то вычурнымъ жабо на груди, и, остановясь у притолки, начиналъ докладывать матери, гдѣ именно находится теперь Николай Платоновичъ. Тогда Огаревъ, кажется, былъ въ Италіи, гдѣ проживала его первая жена.

Разсказы этого приказчика нагоняли на меня хандру еще пуще. Я, бывало, не могъ дождаться той минуты, когда выкормятъ лошадей и когда мы снова усядемся въ свою коляску. Изъ Акшина мы попадали уже прямо домой. Весь этотъ переѣздъ мы съ братомъ совершали уже стоя на ногахъ и не спуская глазъ съ той родной дали, къ которой стремились и душой, и тѣломъ. Вотъ проѣхали мы большое мордовское село Черизмергу, вотъ въѣхали въ лѣсъ, отдѣлявшій это село отъ деревни Хитровки, а вотъ направо, нѣсколько въ сторонѣ отъ дороги, возвышается и винокуренный заводъ Огарева.. Боже мой, намъ остается только четыре версты!... Мы весело прыгаемъ, хлопаемъ въ ладоши и поминутно обращаемся къ кучеру съ просьбой гнать лошадей.

— Погоняй, Ѳедоръ, погоняй! — умоляемъ мы его, а сами все не сводимъ глазъ съ родной дали.

Но вотъ вдали засинѣлъ темный боръ купца Манухина и на этомъ темномъ фонѣ загорѣлось что-то яркое и свѣтлое.

— Крестъ! крестъ нашей церкви! — кричитъ братъ.

И мы оба, вскарабкавшись на козлы къ кучеру, словно замерли въ ожиданіи увидать родной домъ... Вотъ, наконецъ, и усадьба. Мы съ шумомъ подъѣзжаемъ къ крыльцу дома, а на крыльцѣ насъ ожидаютъ уже приказчикъ Никита Григорьичъ, дворецкій Захаръ Зотычъ и ключница Татьяна Ѳедоровна.

О, родныя мѣста!... О, родные люди!... Но людей тѣхъ давно уже нѣтъ на свѣтѣ, а родныя мѣста... Но мнѣ не видать ихъ болѣе...

IV.

Несмотря, однако, на то, что я былъ заядлымъ театраломъ, любилъ потанцовать и имѣлъ большую склонность къ охотѣ,—я все-таки, надо думать, учился добропорядочно, такъ какъ ежегодно переходилъ изъ класса въ классъ и ни въ одномъ не засиживался, хотя въ то время засиживающихся не исключали и дозволяли сидѣть въ гимназіи сколько душѣ угодно. Я бы могъ насчитать многихъ товарищей, которые преусердно брили бороды и были почтенныхъ лѣтъ. Про одного говори даже, что онъ былъ женатъ и даже имѣлъ ребенка. Конечно, начальство гимназіи подтрунивало надъ такими субъектами, но не притѣсняло ихъ и давало возможность благополучно докончить дѣло образованія. Къ тататакимъ гимназическимъ старожиламъ учителя относились даже съ нѣкоторымъ почтеніемъ: звали по имени и отчеству и, здороваясь, подавали имъ руку.

— Здравствуйте, Семенъ Павловичъ,—говорилъ учитель, входя въ классъ.—Какъ поживаете?

— Благодарю васъ... Вы какъ себя чувствуете?

— Голова болитъ,—отвѣчалъ учитель, садясь за каѳедру.

— Не хорошъ-съ.

Излишне говорить, что во время каникулъ любимѣйшимъ моимъ развлеченіемъ была охота съ ружьемъ. Въ то время пистонныя ружья не были еще въ ходу и были очень дороги, а потому ружье у меня было просто-напросто тульскаго издѣлія и кремневое. Помнится мнѣ, что за это ружье заплатилъ я двадцать рублей ассигнаціями. Оно немилосердно отдавало, почему я и ходилъ постоянно съ распухшей щекой, и безпрестанно дѣлало осѣчки. Вспыхнетъ, бывало, порохъ на полкѣ, а выстрѣла нѣтъ. Это всегда меня очень раздражало. Ползешь, ползешь, бывало, подъ утокъ, подползешь, наконецъ, видишь—громадная стая... Ну, думаешь: штуки двѣ-три убью... Приподымешь осторожно голову, начнешь цѣлиться, а сердце такъ и замираетъ... Взведешь курокъ, спустишь его и вдругъ — пшикъ! и больше ничего... А утки съ шумомъ и крикомъ снимались съ воды и—поминай, какъ звали!

Ружейной собакой былъ у меня пудель, кличка котораго была Фаяръ, или по-просту Фаярка. Фаярку этого я стригъ на манеръ льва, т.-е. выстригалъ ему задъ и морду, оставляя на мордѣ два пучка шерсти, вмѣсто усовъ, и такой же пучокъ на концѣ хвоста. Это была очень умная и послушная собака, не боявшаяся ни палящаго зноя, ни зимнихъ заморозковъ и отличавшаяся великимъ терпѣніемъ. Подстрѣлишь, бывало, нырка какого-нибудь... Нырокъ этотъ начнетъ нырять, а за нимъ Фаярка. Подплыветъ, бывало, къ нему, норовитъ схватить, а тотъ—въ воду, а минуты черезъ три вынырнетъ гдѣ-нибудь позади Фаярки, саженяхъ въ десяти... И вотъ Фаярка, высуня языкъ и торопливо болтая ногами, поворачивалъ назадъ и снова начиналъ преслѣдовать подстрѣленнаго нырка. Повторялась та же исторія, и въ концѣ-концовъ все-таки Фаярка излавливалъ нырка.

Однажды, отправившись на охоту, мнѣ пришлось идти дорогой, извивавшейся ржанымъ полемъ. Рожь уже цвѣла и возвышалась густой стѣной по сторонамъ дороги. День былъ палящій, душный, и моя Фаярка бѣжала впереди, высуня языкъ. Вдругъ, откуда ни возьмись, собака стремглавъ бѣжавшая навстрѣчу, какъ будто кѣмъ-то преслѣдуемая. Собака бросилась было на меня, но, увидавъ Фаярку, круто повернула—и не успѣлъ я мигнуть, какъ моя Фаярка

очутилась уже подъ собакой, съ озлобленіемъ кусавшей ее. Послышались чьи-то крики:

— Бѣшеная, бѣшеная! — кричало нѣсколько мужиковъ, верхами и съ дубинами въ рукахъ преслѣдовавшіе собаку. — Бѣшеная! Стрѣляй ее, баринъ!

Но стрѣлять въ бѣшеную собаку я не могъ, такъ какъ она сидѣла на моей Фаяркѣ и продолжала ее грызть.

Однако, когда мужики подскакали къ мѣсту происшествія, бѣшеная собака бросилась въ сторону, и я успѣлъ подстрѣлить ее. А мужики принялись доколачивать ее дубинами.

— Да бѣшеная ли? — спросилъ я мужиковъ, когда они покончили съ собакой.

— Бѣшеная, — подтвердили они.—Всѣхъ собакъ у насъ въ деревнѣ перекусала, да штуки три коровъ.

Мнѣ было очень жаль Фаярку и потому я, возвратясь домой, тотчасъ же послалъ за манухинскимъ фельдшеромъ, Поликарпомъ Ивановичемъ, отлично излѣчивавшимъ отъ водобоязни.

Поликарпъ Ивановичъ былъ мужчина лѣтъ пятидесяти, высокаго роста, сутуловатый, говорившій басомъ. Онъ брилъ лицо, оставляя только одни щетинистые, торчащіе усы. Глаза у него походили на глаза волка: такіе же сѣрые и съ такими же мелкими черными крапинками на радужной оболочкѣ. Гдѣ онъ обучался, я не знаю, видѣлъ только, что лѣчилъ онъ по какому-то толстому лѣчебнику. Откроетъ, было, этотъ лѣчебникъ и начнетъ водить пальцемъ по его страницамъ, разыскивая волчьими глазами то мѣсто, которое ему требовалось.

Всѣ болѣзни онъ приписывалъ обыкновенно засоренію желудка, почему лѣченіе начиналъ всегда со слабительныхъ и являлся къ больному съ карманами, наполненными разными бутылками, заключавшими его медикаменты. Маленькими пріемами онъ гнушался, а заставлялъ пить лѣкарства стаканами.

— Вотъ,—говорилъ онъ, вытаскивая изъ кармана шампанскую бутылку и похлопывая по ней рукой.—Выпейте эту бутылку въ три пріема—какъ рукой сниметъ.

Однажды, лѣчивши меня, онъ заставилъ меня выпить какого-то кислаго лѣкарства, которое сохранялось въ полуведерной бутыли.

— Вотъ,—говорилъ онъ,—выпейте это въ два дня: по четверти ведра въ день, а черезъ два дня я къ вамъ прибѣгу и еще чего-нибудь дамъ.

Однако, лѣкарства этого допить мнѣ не пришлось, такъ какъ

послѣ первой же четверти у меня появилась такая оскомина, что зубы мои сдѣлались, словно восковыми.

Поликарпъ Ивановичъ всегда ходилъ пѣшкомъ и въ лѣтнее, и въ зимнее время и всегда съ ружьемъ на плечахъ, такъ какъ былъ страстный охотникъ, и вдобавокъ медвѣжатникъ. Ему удалось уже убить штукъ пять-шесть медвѣдей, которыхъ въ нашей лѣсистой мѣстности было достаточное количество, и охоту эту онъ предпочиталъ всякой другой.

Вотъ за этимъ-то Поликарпомъ Ивановичемъ я и послалъ, когда моя Фаярка была искусана бѣшеной собакой.

Осмотрѣвъ Фаярку и всѣ искусанныя мѣста, онъ улыбнулся и, махнувъ рукой, проговорилъ:

— Не бойтесь—вылѣчимъ! Не мало вылѣчивали не только собакъ, но и людей даже.

Затѣмъ бросился въ буфетную, выпросилъ у Захара Зотыча пустую бутылку, всыпалъ туда чего-то, налилъ воды и, поболтавъ бутылку, явился ко мнѣ.

— Слабительное?—спросилъ я его.

— Непремѣнно-съ... Хотя водобоязнь происходитъ не отъ засоренія желудка, но все-таки прочистить его необходимо.

И выливъ эту бутылку въ горло Фаяркѣ, онъ вынулъ изъ кармана какую-то тряпочку, въ которой завязанъ былъ тотъ чудодѣйственный порошокъ, которымъ Поликарпъ Ивановичъ излѣчивалъ обыкновенно бѣшенство. Секретъ свой онъ сохранялъ въ глубокой тайнѣ и, только спустя долгое время послѣ описаннаго, мать купила секретъ этотъ у Поликарпа Ивановича и лѣчила въ свою очередь тѣмъ же порошкомъ другихъ; потомъ лѣчила имъ моя жена и я лично, и всегда получались самые блестящіе результаты. Поликарпъ Ивановичъ даже научилъ меня собирать эту траву, такъ какъ порошокъ составлялся изъ высушенной и мелко-истолченой травы. Это цвѣточки, весьма похожіе на цвѣтки лѣсной гвоздики, обыкновенно растущіе на возвышенныхъ мѣстахъ. Ихъ собирать слѣдуетъ весной, когда они достигаютъ полнаго развитія.

Послѣ слабительнаго Поликарпъ Ивановичъ намазывалъ масломъ нѣсколько ломтей чернаго хлѣба, обильно посыпавъ ихъ сказаннымъ порошкомъ, велѣлъ давать Фаяркѣ натощакъ по ломтю этого хлѣба.

— Покормите ее такъ-то съ недѣльку, а тогда и отправляйтесь на охоту.

И, проговоривъ это, онъ раскланялся и ушелъ, а недѣлю спу-

стя, я охотился уже съ Фаяркой на Манухинскомъ пруду, такъ какъ мой Фаярка былъ совершенно здоровъ, тогда какъ тѣ собаки, о которыхъ говорили мужики, всѣ перебѣсились и были убиты.

Почти каждое лѣто пріѣзжалъ къ намъ въ Никольское крестникъ моей матери Василій Никитичъ Фокъ, или, какъ мы его тогда звали—Вася. Вася былъ сынъ Краснослободскаго чиновника, имѣвшаго въ этомъ городѣ свой домикъ съ обширной усадьбой и фруктовымъ садомъ. Отца его я не помню, но мать его, Марью Васильевну, помню отлично. Это была женщина небольшого роста, худощавая, со сморщеннымъ лицомъ и большимъ открытымъ лбомъ, который, при малѣйшемъ движеніи бровей, собирался мелкими складками.

За Марьей Васильевной мать обыкновенно посылала лошадей, на которыхъ та и пріѣзжала къ намъ въ сопровожденіи своего Васи. Вася, родившійся у насъ въ домѣ, въ селѣ Никольскомъ, былъ старше меня годами тремя, не больше, а потому всегда былъ моимъ другомъ дѣтства. Василій Никитичъ живъ до сихъ поръ. Теперь ужъ онъ покрытъ сѣдинами, дослужился до чина статскаго совѣтника, получаетъ довольно приличную пенсію, часто бываетъ у меня, и до сихъ поръ наша дѣтская дружба сохранилась въ полной силѣ, что представляетъ въ наше время явленіе не совсѣмъ обычное.

Въ то время, о которомъ я говорю, Вася былъ уже на службѣ, кажется, въ пензенской палатѣ государственныхъ имуществъ. Онъ былъ франтъ большой руки, одѣвался всегда щеголевато и носилъ крахмальныя манишки съ такими же накрахмаленными стоячими воротничками, которые въ то время назывались брыжжами и были еще мало распространены. Онъ любилъ завивать волосы, помадиться и всегда носилъ съ собой зеркальце, гребешочекъ и щеточки. Своими модными костюмами онъ всегда, признаться, приводилъ меня въ смущеніе и даже возбуждалъ нѣкоторую зависть.

У насъ былъ крѣпостной портной, Николай Ивановичъ Полозовъ, котораго я всегда призывалъ къ себѣ, какъ только пріѣзжалъ Василій Никитичъ, и слезно упрашивалъ его подробно осмотрѣть фасонъ платья и сдѣлать по нему надлежащія выкройки. Все это Николай Иванычъ исполнялъ въ точности, но какъ только платье выходило изъ-подъ его иголки, то ничего похожаго на щеголеватый костюмъ Васи въ немъ не оказывалось. То, бывало, рѣзало подмышками, то на спинѣ выходили какія-то складки; а воротникъ чуть не достигалъ до ушей.

V.

Вася тоже былъ страстный охотникъ, а потому онъ всегда являлся къ намъ въ полномъ вооруженіи и съ лягавой собакой Сбогаромъ. Насколько онъ восхищалъ меня своимъ туалетомъ, настолько и своими охотничьими принадлежностями. У него было хорошенькое ружье, патронташъ, ягдташъ, а Сбогаръ его продѣлывалъ такіе фокусы, что всегда приводилъ меня въ восхищеніе. Онъ подавалъ ему сапоги, туфли, приносилъ ему потерянный платокъ и проч. въ этомъ родѣ. Пріѣзду Васи я всегда очень радовался. Спали мы съ нимъ всегда на мезонинѣ, въ большинствѣ случаевъ на верхнемъ балконѣ, а чуть занималась заря, мы отправлялись на охоту. Иногда мы ночевали даже на Манухинскомъ пруду, чтобы пораньше захватить зарю. Для этого мы выпрашивали у рыбака небольшую лодченку и, заѣхавъ на ней въ камыши, ожидали появленія утокъ. Теперь, въ наше время, такого изобилія дичи, какъ тогда, нельзя встрѣтить. Отчего это происходитъ, я рѣшить не берусь; оттого ли, что увеличилось количество охотниковъ, или оттого, что распаханы почти всѣ залежи и степи, и дичи негдѣ пріютиться.

Однажды во время такой охоты съ нами произошелъ слѣдующій казусъ.

Какъ-то, невмѣру разгорячившись и круто повернувшись на лодченкѣ, Вася опрокинулъ ее, и мы всѣ очутились въ водѣ. Къ счастью, мѣсто было очень мелкое, но тѣмъ не менѣе мы все-таки были вымочены до костей и перепачканы грязью, почему и должны были прекратить охоту и возвратиться домой.

Вася, кромѣ того, былъ и рыболовъ и онъ первый научилъ меня ловить рыбу острогой. Дѣлается это слѣдующимъ образомъ: къ носу лодки пристраивается желѣзная рѣшетка, на которой и разжигается небольшой костеръ изъ сухихъ сучьевъ. Въ лодку садятся двое: на корму помѣщается тотъ, кто будетъ управлять лодкой, а на носъ тотъ, кто будетъ бить рыбу острогой. Острога это есть трезубецъ съ бородками, прикрѣпленный къ легкому шесту. Охота эта производится обыкновенно ночью и по мелкимъ мѣстамъ для того, чтобъ разожженый костеръ свободно освѣщалъ дно пруда. Я никогда не воображалъ, чтобы такого рода охота могла быть столь интересна и красива, какъ это есть на самомъ дѣлѣ. Нашъ прудъ въ Никольскомъ подходилъ какъ нельзя лучше къ этой охотѣ: во-первыхъ, потому, что онъ былъ мелководенъ, а во-вторыхъ, не особенно густо поросъ водяными растеніями.

И вотъ, когда наступила ночь, мы тронулись въ путь. Я буквально былъ пораженъ раскрывшейся передо мной картиной и впервые увидалъ то, чего никогда не видѣлъ. Лодкой управлялъ Вася, а я стоялъ на носу съ острогой. Едва мы отчалили отъ берега, какъ я вдругъ увидалъ что-то черное, похожее на палку, но пристально всмотрѣвшись, я убѣдился, что это была щука. Щука, какъ видно, спала, а потому и стояла неподвижно.

— Щука,—шепнулъ я.

— Бей ее,—шепчетъ Вася, — только смотри подводи къ ней острогу поближе, а то промахнешься.

Я притаилъ дыханіе, подвелъ острогу къ самой щукѣ и рѣзкимъ движеніемъ руки ударилъ острогой, но оказалось, что вода обманула меня и что острога была въ довольно большомъ разстояніи отъ щуки, такъ что воткнулась не въ щуку, которая успѣла ускользнуть, а въ глинистое дно. Вася даже обругалъ меня, прогналъ съ носа и, усадивъ на корму, заставилъ управлять лодкой, а самъ вооружился острогой.

— Смотри, тише только!—шепталъ онъ, грозя пальцемъ.— Да не стукай весломъ, а то всю рыбу перебудишь.

Вася, нѣсколько разъ уже охотившійся съ острогой, оказался опытнѣе и искуснѣе меня. Онъ то и дѣло дѣйствовалъ острогой и каждый разъ вытаскивалъ какую-нибудь рыбу. Разъ даже вытащилъ рака. Но меня не столько занимала рыбная ловля, сколько занимало дно пруда, въ особенности тамъ, гдѣ оно нѣсколько порастало водяными растеніями. Дно это, освѣщенное яркимъ свѣтомъ костра, дѣйствительно казалось чѣмъ-то волшебнымъ и въ то же время до крайности изящнымъ.

Проохотились мы часа полтора, наловили достаточное количество и щукъ и карасей и порѣшили вернуться домой.

— Ну, ворочай домой! Довольно.

Я хотѣлъ было повернуть лодку, но никакъ не могъ сообразить, въ какую сторону поворачивать: вокругъ насъ царилъ такой мракъ, что разглядѣть что-либо не было никакой возможности... Мракъ направо, мракъ налѣво, мракъ впереди и сзади. Только мы одни ярко освѣщены костромъ.

— Куда же ѣхать?—спросилъ я.

— Верти налѣво!— говоритъ Вася. — Не знаешь развѣ, что домъ-то въ лѣвой сторонѣ остался.

Я повернулъ налѣво, и мы поплыли. Проплыли мы съ полчаса, и вдругъ лодка наша врѣзалась въ густые камыши.

— Откуда эти камыши? — вскрикнулъ я. — Мы не туда ѣдемъ.

— Валяй, валяй!—кричитъ Вася:—не бойся, ѣдемъ туда, куда слѣдуетъ.

Я принялся грести, а черезъ нѣсколько минутъ, кое-какъ выбравшись изъ камышей, мы плыли по чистому мѣсту. Перепуганныя стаи утокъ съ шумомъ поднимались со всѣхъ сторонъ и свистомъ крыльевъ оглашали воздухъ. А вотъ передъ нами вдругъ оствѣтились какіе-то кусты.

— Положительно мы не туда ѣдемъ.

— Что за чортъ?—бормочетъ растерявшійся Вася.

И вдругъ, что-то придумавъ, принялся заливать костеръ.

— Потушимъ огонь, — говорилъ онъ, — тогда увидимъ и усадьбу.

Огонь былъ залитъ, но усадьбы мы, все-таки, не увидали. Прежде мы могли видѣть хоть то, что насъ окружало, а теперь мракъ слился, и мы очутились словно въ подземельѣ.

— Ну? — спрашивалъ я, не имѣя даже возможности разсмотрѣть Васю.

— Ну?—повторилъ онъ въ недоумѣніи.

— Куда же?—спросилъ я.

— Валяй куда-нибудь. Куда-нибудь да причалимъ.

Я началъ валять. Проплыли мы еще съ полчаса, а, все-таки, никуда не причалили.

Вдругъ позади насъ сторожъ ударилъ въ колоколъ. Судя по звуку, можно было догадаться, что мы все время плыли не по направленію къ дому, а напротивъ отдалялись отъ него.

— Верти назадъ!—кричитъ Вася.

— Нѣтъ, говорю я,—теперь садись ты, я выбился изъ силъ.

Вася усѣлся на корму и принялся грести. Но домой попали мы не скоро, поминутно попадая то въ камыши, изъ которыхъ съ трудомъ выбивались, то наскакивали на отмели. И только, когда начала заниматься утренняя заря, мы кое-какъ добрались до дому.

Съ тѣхъ поръ мы съ Васей на подобнаго рода охоту уже не ѣздили, а ограничивались ружейною охотой.

Иногда мы брали съ собой на охоту и знакомаго намъ фельдшера Поликарпа Ивановича.

Разъ какъ-то, проохотившись цѣлый день по уткамъ, Поликарпъ Ивановичъ сказалъ:

— Ну, какая это охота. Пойдемте-ка лучше на медвѣдя.

Мы съ Васей даже оторопѣли.

— На медвѣдя?—спросили мы.

— Да вы чего же испугались-то?— проговорилъ Поликарпъ Ивановичъ, подсмѣиваясь надъ нашимъ испугомъ.

— Да, вѣдь, это страшно!—говоримъ мы.

— Никакихъ страстей нѣтъ.

— Да, вѣдь, онъ, пожалуй, черепъ своротитъ.

— А я васъ такъ пристрою, что не своротитъ. У меня есть одинъ медвѣдь на примѣтѣ. Должно быть, сластникъ великій.

— Почему же сластникъ?

— А потому, что почитай каждую ночь къ нашему пчелинцу за медомъ ходитъ.

— Неужели?

— Вѣрно,— говорю вамъ... Пойдемте-ка... Я посажу васъ въ землянку къ пчелинцу, и вы будете въ безопасности, а я сяду на то дерево, мимо котораго онъ каждый разъ проходитъ. Медвѣдь небольшой, говорятъ, ну, а, все-таки, не въ примѣръ больше вашей утки.

— Что же мы будемъ дѣлать въ землянкѣ-то?

— А будете изъ окна смотрѣть и медвѣдя караулить.

Отказаться отъ предложенія Поликарпа Ивановича намъ было бы неловко, такъ какъ онъ имѣлъ бы тогда право считать насъ за трусовъ, чего мы крайне боялись, вслѣдствіе чего мы тотчасъ же ударили по рукамъ и сговорились на слѣдующій же день идти на манухинскій пчельникъ и тамъ переночевать.

Поликарпъ Ивановичъ, повидимому, былъ очень доволенъ, назвалъ насъ молодцами, пророчилъ удачную охоту и только высказалъ опасеніе, какъ бы за это не огнѣвались на него наши мамаши.

— Это за что?—горделиво поднявъ голову, сказалъ я.—Что, мы мальчики что-ли?

— А моя и подавно слова не скажетъ.

— А лучше всего,—проговорилъ Поликарпъ Ивановичъ,—молчите про медвѣдя-то.—Скажите, что на утокъ идете—только и всего.

Но Василій Никитичъ противъ этого возсталъ, доказывая, что онъ чиновникъ, а не какой-нибудь мальчишка и что уходить крадучись онъ не намѣренъ.

На этомъ мы и покончили. И гордые своею храбростью, распростившись съ Поликарпомъ Ивановичемъ, направились домой.

Однако попасть на медвѣжью охоту намъ все-таки не удалось, такъ какъ собравшись на слѣдующій день на пчельникъ Манухина, мы вдругъ не нашли своихъ ружей, куда-то пропавшихъ. Мы

всюду искали ихъ, обшарили всѣ чуланы, облазили всѣ чердаки, а ружья словно сквозь землю провалились. Мы не знали, что и думать, какъ вдругъ смѣхъ моей матери, замѣтившей нашу суетливую бѣготню, вывелъ насъ изъ недоумѣнія. Оказалось, что Вася дѣйствительно сообщилъ своей матери о нашемъ намѣреніи идти на медвѣжью охоту. Марья Васильевна сообщила объ этомъ моей матери; та, конечно, всплеснула руками, перепугалась, и дѣло кончилось тѣмъ, что, какъ только мы заснули, то обѣ матери тихонько пробрались къ намъ въ комнату и обезоружили насъ.

Послѣ, спустя нѣкоторое время, мы отъ души хохотали надъ продѣлкой нашихъ матерей, но тогда, въ ту минуту, мы выходили изъ себя и чуть не рвали на себѣ волосы отъ досады, что мы очутились въ такомъ наиглупѣйшемъ положеніи. Мы умоляли матерей возвратить наши ружья, и, глядя на наше волненіе, онѣ продолжали хохотать и только, а ружья все-таки не возвратили.

И. Саловъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

УМЧАВШІЕСЯ ГОДЫ*).

(Изъ моихъ воспоминаній).

VI.

Я забылъ сказать, что, когда былъ въ младшихъ классахъ гимназіи, въ нашемъ семействѣ произошло большое измѣненіе, и именно: братъ Андрей Александровичъ вышелъ въ отставку и, женившись на госпожѣ Запольской, переселился на житье въ село Никольское. Поселился съ своею молодою женой въ, такъ называемой, пристройкѣ. Пристройка эта представляла изъ себя совершенно особый домикъ комнатъ въ пять, имѣла особый подъѣздъ, особое черное крыльцо и соединялась съ главнымъ домомъ особою стеклянною галлерей, уставленной разными растеніями и цвѣтами, до которыхъ мать была большая охотница. Братъ былъ еще не отдѣленъ, а такъ какъ имѣніе было отцовское, то матери пришлось выдѣлить брату Андрею третью часть. Ему отдѣлили, такъ называемое, дальнее поле, куда онъ года черезъ два послѣ своего переѣзда и перетащилъ пристройку, а равно и необходимыя надворныя постройки. Онъ перенесъ туда два флигеля, часть коннаго двора, каретника и, построивъ себѣ усадьбу, въ ней и зажилъ совершенно отдѣльнымъ хозяйствомъ.

Усадьба наша приняла совершенно иной видъ: домъ нашъ сдѣлался какимъ-то кургузымъ, а дворъ принялъ видъ какихъ-то жалкихъ развалинъ. Нечего и говорить, что и имѣнье наше на третью часть уменьшилось, а безпокойство матери, конечно, увеличилось. Она, конечно, молчала, но я ясно видѣлъ по ея лицу и глазамъ ея тревожное состояніе. Къ намъ какъ-то чаще началъ пріѣзжать мой опекунъ Алексѣй Алексѣевичъ Тучковъ, подолгу о чемъ-то гово-

*) *Русская Мысль*, кн. VIII.

рилъ съ матерью, но о чемъ они говорили—я не знаю, помню только, что разъ, войдя незамѣтно въ гостиную, гдѣ они сидѣли, я увидалъ слезы матери и подслушалъ слѣдующій разговоръ:

— Но чѣмъ же я заплачу проценты въ опекунскій совѣтъ,—говорила мать,—ежели я проживу зиму въ Пензѣ?

— Но, вѣдь, въ Пензу ѣхать необходимо,—говорилъ Тучковъ.

— Знаю, что необходимо,—сказала мать,—но, вѣдь, и проценты необходимо внести.

— Въ такомъ случаѣ продайте лѣсъ,—совѣтовалъ Тучковъ.

На этомъ совѣтѣ мать и остановилась, а недѣли двѣ спустя къ намъ явился какой-то толстобрюхій купецъ, въ засаленной поддевкѣ, котораго мать и пригласила въ кабинетъ, заперевъ за собою дверь.

О чемъ они толковали—Богъ вѣсть, знаю только, что, когда разговоръ ихъ былъ покончен и мать вышла изъ кабинета въ сопровожденіи купца, то глаза ея были заплаканы, а лицо послѣдняго, красное какъ сафьянъ, сіяло довольною улыбкой.

— Когда же прикажете приступить, сударыня?—спрашивалъ купецъ.

— Когда хотите,—отвѣтила мать.

— Слушаю-съ. Недѣльки черезъ двѣ можно-съ?

— Когда угодно.

— Слушаю-съ.

И купецъ, раскланявшись, вышелъ изъ дома, а минуту спустя я увидалъ въ окно, какъ онъ, усѣвшись на бѣговые дрожки, запряженные сытымъ сѣрымъ жеребцомъ, отъѣхалъ отъ крыльца. А на слѣдующій день мать приказала заложить длинные дроги тройкой и объявила намъ съ братомъ Александромъ Александровичемъ, что мы сегодня поѣдемъ пить чай на пчельникъ. Нашему восторгу не было границъ, такъ какъ мы очень любили этотъ пчельникъ, во-первыхъ, потому, что онъ былъ расположенъ въ живописной мѣстности, въ тѣни громадныхъ липовыхъ деревьевъ, а во-вторыхъ и потому, что любили ѣсть сотовый медъ со свѣжими огурцами. Поѣхали съ нами на пчельникъ и Марья Васильевна съ Василіемъ Никитичемъ. День былъ превосходный, и мы находились въ самомъ превосходномъ настроеніи.

Мы съ Васей захватили съ собой ружья и нашихъ собакъ, и такъ какъ недалеко отъ пчельника протекала маленькая рѣчонка Вѣдьжа, изобиловавшая небольшими омутками и заводями, то мы съ Васей и намѣревались поохотиться тамъ за утками. Все гармонировало съ нашимъ веселымъ настроеніемъ: и безоблачное голубое

небо, и чириканье птичекъ, перелетавшихъ съ дерева на дерево и даже веселая и рѣзвая бѣготня моей Фаярки и Васинаго Сбогара. Не гармонировало только съ этимъ весельемъ лицо матери, все о чемъ-то думавшей, да лицо Марьи Васильевны со сморщеннымъ лбомъ и какимъ-то плаксивымъ выраженіемъ на губахъ.

Мы провели на пчельникѣ цѣлый вечеръ. Мы съ Васей успѣли убить двухъ-трехъ утокъ, а послѣ чая успѣли даже сварить въ котелкѣ полевую кашицу изъ пшена и баранины. Усѣвшись вокругъ котелка, мы живо обработали эту кашицу и только одна мать даже недотронулась до нея. Когда мы возвращались домой, начинало уже смеркаться, и вотъ мать, выѣзжая изъ лѣса, какъ-то тяжело вздохнула и едва слышно проговорила:

— Ну, прощай мой лѣсокъ, больше не видать мнѣ тебя... Прощай!

И слезы потекли изъ ея глазъ.

Но тогда я даже и вниманія не обратилъ ни на слова матери, ни на ея слезы, а весело болталъ съ Васей о проведенномъ пріятно днѣ и о завтрашней охотѣ.

Недѣли полторы спустя на усадьбѣ нашей снова появился купецъ на дрожкахъ. Только на этотъ разъ онъ былъ не одинъ, а въ сообществѣ какого-то молодца и цѣлою ватагой найговскихъ мордвовъ, вооруженныхъ топорами и пилами.

Купецъ остановился возлѣ конторы, въ которую и вошелъ, приказавъ молодцу и мордвамъ подождать его.

— Вы здѣсь посидите,—проговорилъ онъ, обращаясь къ мордвамъ,—а ты,—прибавилъ онъ, взглянувъ на молодца,—подержи коня-то...Я сейчасъ.

Дѣйствительно, немного погодя, онъ въ сопровожденіи нашего приказчика, Никиты Григорьевича, снова показался на крыльцѣ.

— Ужъ вы тамъ укажите мѣстечко-то.

— Сейчасъ, только лошадь запрягутъ.

— Да вы со мной садитесь.

— Будетъ мѣсто-то?—спрашиваетъ приказчикъ.

— Найдется.

И, приказавъ молодцу идти съ мордвами, усадилъ Никиту Григорьевича къ себѣ на дрожки, и минуту спустя вся эта компанія двинулась по направленію къ лѣсу.

Черезъ недѣлю послѣ описаннаго, мы съ Васей пошли на порубку лѣса и не могли узнать его. Опушка этого лѣса, такъ недавно еще зеленѣвшая стройными, красивыми деревьями липы,—уже не существовала. Поверженныя на землю, деревья съ пожел-

тѣвшими листьями и полузасохшими вѣтвями лежали словно трупы на полѣ битвы. Стаи грачей и галокъ шумно носились въ воздухѣ, оглашая его неистовыми криками. Изъ-подъ какого-то сверженнаго дерева выскочилъ испуганный заяцъ и, робко озираясь круголъ, метался изъ стороны въ сторону, не находя привычной ему тропинки... А по лѣсу, между тѣмъ, слышались стукъ топоровъ, трескъ падающихъ деревьевъ, лязгъ пилъ и шумный мордовскій говоръ.

Подошли мы къ пчельнику, на которомъ такъ недавно еще и такъ весело провели вечеръ и, при видѣ его, сердце мое замерло: онъ стоялъ уже не въ тѣни лѣса, а на вырубленной полянѣ, заставленной кругомъ стройными рядами распиленныхъ саженокъ, а между ихъ рядами ходилъ тотъ самый молодецъ, который пріѣзжалъ вмѣстѣ съ купцомъ.

VII.

Съ братомъ Андреемъ мы всѣ были въ хорошихъ отношеніяхъ. Мать любила его какъ родного сына, такъ какъ съ восьмилѣтняго возраста онъ былъ на ея рукахъ и на ея попеченіи, а я, несмотря на разницу лѣтъ, былъ съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Вышелъ онъ въ отставку штабсъ-ротмистромъ. Это былъ мужчина очень высокаго роста, съ симпатичнымъ добрымъ лицомъ, бѣлокурый и съ голубыми глазами. Ростомъ онъ былъ въ отца, а лицомъ, какъ говорятъ, походилъ на свою мать, Олферьеву. Это былъ очень добрый человѣкъ, никогда никого не обидѣвшій и никогда никого не тронувшій пальцемъ, хотя въ описываемое время давать волю кулакамъ не только не осуждалось, но даже поощрялось. Не даромъ поэтъ Давыдовъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній говоритъ:

А глядишь: нашъ Мирабо
Стараго Гаврило
За измятое жабо
Хлещетъ въ усъ да въ рыло...

Какъ истый кавалеристъ, братъ Андрей любилъ псовую охоту и терпѣть не могъ ружейной, такъ какъ съ ружьемъ надо ходить пѣшкомъ. Онъ даже не умѣлъ ходить и всегда ходилъ какъ-то робко, нетвердо ступая на ноги. У него была прекрасная донская лошадь, ростомъ вершковъ пяти, крѣпкая, съ здоровой грудью и скакавшая какъ вихрь.

Проскачетъ, бывало, братъ за зайцемъ версты три-четыре,

остановится, такъ она фыркнетъ ноздрями — и конецъ дѣла, тогда какъ другія послѣ такой бѣшеной скачки, бывало, насилу отдышатся. Лошадь эта почему-то называлась Микроскопъ, хотя ничего микроскопическаго въ ней не было. Вообще, братъ очень любилъ лошадей и на его конюшнѣ всегда было двѣ-три верховыхъ лошади и тройки двѣ такъ называемыхъ разгонныхъ, хорошо подобранныхъ и лихихъ. Помню я, былъ у него гнѣдой иноходецъ, горбоносый, горбатый, просто, свинья-свиньей, но бѣжалъ иноходью такъ, что ни одна пристяжная, какъ бы она хороша ни была, не уносила постромокъ. Звали этого иноходца Михей Пироговъ. Велитъ, бывало, братъ запрячь тройку въ дроги и помчится на нихъ либо по полямъ, либо по сосѣдямъ.

Вскорѣ послѣ раздѣла братъ поселился на доставшейся ему землѣ; переселилъ туда же своихъ крестьянъ и выстроилъ себѣ хорошенькую усадьбу на хорошенькой рѣчонкѣ Ожгѣ, перепрудилъ эту рѣчонку плотиной, выкопалъ прудъ и построилъ на этомъ пруду небольшую мельницу, на которой и перемалывалъ необходимый для домашняго употребленія хлѣбъ. Вообще, онъ переселился и обстроился довольно быстро и назвалъ этотъ поселокъ сельцомъ Павловкой, вѣроятно, въ честь своего тестя, Павла Ивановича Запольскаго, командовавшаго въ то время какимъ-то пѣхотнымъ полкомъ, расположеннымъ въ Тамбовской губерніи въ городѣ Козловѣ. У Запольскаго было три дочери: старшая была за барономъ Дельвигомъ, вторая — за братомъ, а третья, Екатерина Павловна, о которой я когда-то тайно страдалъ, была дѣвицей очень миловидной и веселой.

Я очень часто бывалъ у брата Андрея, такъ какъ у него всегда бывало много гостей и жилъ онъ вообще весело. У нихъ встрѣчалъ я молодого Манухина, горнаго инженера, только что пріѣхавшаго изъ Петербурга и поселившагося на чугунно-литейномъ заводѣ своего отца, и нѣкоего Михаила Александровича Немира, завѣдывавшаго въ то время казенными лѣсами Инсарскаго лѣсничества и жившаго верстахъ въ десяти отъ брата въ казенномъ лѣсномъ кордонѣ.

Кордонъ этотъ всегда восхищалъ меня. Это былъ изящно выстроенный домикъ съ рѣзными балконцами и крылечками, окруженный такими же красивыми и изящными надворными постройками и прелестнымъ садикомъ съ цвѣтниками, бесѣдочками, красивымъ прудкомъ, посреди котораго возвышался искусственный скалистый островокъ съ фонтаномъ посрединѣ.

Лѣсничій этотъ жилъ открыто, имѣлъ хорошіе экипажи, отлич-

ныхъ лошадей, богатую обстановку и жизнь велъ веселую. Онъ хорошо ѣлъ и пилъ, игралъ въ карты, много проигрывалъ и никогда не стѣснялся въ деньгахъ. Въ его лѣсничествѣ числилось семьдесятъ тысячъ десятинъ сосноваго строевого лѣса. Въ описываемое время лѣсничіе были въ большой модѣ,—въ такой же модѣ, какъ теперь инженеры. Они носили военную форму съ блестящими серебряными эполетами, и не было ни одной барышни, которая не мечтала бы выйти замужъ за лѣсничаго. Сколько получалъ онъ жалованья,—я не знаю, такъ какъ гимназисты тогдашняго времени не интересовались подобными вопросами, но, судя по той жизни, какую велъ Михаилъ Александровичъ, надо думать, что не малое. Были, конечно, злые люди, которые утверждали, что господинъ Н. не клалъ охулки на руку, но насколько это справедливо — утверждать не берусь, такъ какъ въ то время не было ни газетъ, ни корреспондентовъ, а бродили лишь одни медвѣди, огрызавшіеся только на тѣхъ, кто ихъ безпокоилъ.

Раза два мнѣ случалось быть на этомъ кордонѣ. Въ это время тамъ было много гостей и шампанское лилось рѣкой; играли, конечно, въ карты, а ради забавы былъ откуда-то привезенъ хоръ цыганъ. Помню, какъ теперь, того цыгана, который дирижировалъ этимъ хоромъ: на немъ былъ тонкаго сукна казакинъ, туго перетянутый серебрянымъ наборнымъ ремнемъ, серебряная шейная цѣпочка съ часами и широкія шаровары, совершенно скрывавшія ногу. На пальцахъ у него были драгоцѣнные перстни, а въ рукахъ гитара, на которой онъ аккомпанировалъ хору. Хоръ состоялъ изъ нѣсколькихъ хорошенькихъ цыганокъ, съ большими черными глазами, полными огня и блеска, и одной сѣдой старухи, пѣвшей басомъ. Вечеръ этотъ проведенъ былъ очень весело и закончился бѣшеной цыганской пляской, въ которой участвовали и нѣкоторые изъ гостей, въ томъ числѣ и я. Были въ числѣ гостей и барыни. Онѣ ни въ пѣсняхъ, ни въ танцахъ не участвовали, но въ карты играли и исправно обыгрывали расходившагося лѣсничаго и кушали шампанское за здоровье амфитріона.

Послѣ столь шумно проведеннаго вечера я отправился домой въ надеждѣ, что дорогой я вывѣтрюсь и мать ничего не замѣтитъ. Я даже полагалъ, что застану ее спящей, но не тутъ-то было: обезпокоенная моимъ долгимъ отсутствіемъ (я провелъ тамъ всю ночь), она даже не ложилась и встрѣтила меня чуть не на крыльцѣ.

— Гдѣ это ты былъ, батюшка?

Я сказалъ.

— Что же ты тамъ до сихъ поръ-то дѣлалъ?

И потомъ, пристально посматривая на мое лицо, а особенно на глаза, вдругъ пододвинулась ко мнѣ и проговорила:

— Ну-ка, дыхни!

Я дыхнулъ.

— Отъ тебя водкой пахнетъ,— чуть не вскрикнула она, нахмуривъ брови.

Я принялся божиться, что водки не пилъ, такъ какъ водки дѣйствительно я не пилъ.

— Стало-быть, пилъ вино.

Дѣйствительно, я пилъ только шампанское.

Съ тѣхъ поръ мнѣ строжайше было запрещено посѣщать кордонъ лѣсничаго, и я посѣщалъ его только тайнымъ образомъ и въ ротъ ужъ ничего хмѣльного не бралъ, хотя и возвращался оттуда опьяненный, но только не виномъ.

Несмотря, однако, на всѣ эти каникулярныя развлеченія, я, все-таки, не забывалъ про ожидающіе меня экзамены и усердно занимался тѣмъ, въ чемъ чувствовалъ себя слабѣе. Способностями меня Богъ не обидѣлъ, а памятью я обладалъ завидной. Больше всего я опасался исторіи и хронологіи.

Исторію мы проходили по Смарагдову, которая отличалась обширностью и тяжеловѣснымъ пустословіемъ. Исторія эта заключалась въ трехъ толстыхъ томахъ, которые мы и должны были долбить, такъ какъ разсказывать своими словами не дозволялось.

— Вы что это своими словами-то разсказываете? Говорите словами господина Смарагдова, — поучалъ насъ учитель, — такъ какъ господинъ Смарагдовъ несравненно краснорѣчивѣе васъ.

Латинскій языкъ преподавался въ то время больше для приличія,—чѣмъ, молъ, мы хуже другихъ?... И особыхъ требованій къ знанію этого классическаго языка не предъявлялось, а о греческомъ не было даже и помина.

Итакъ, самымъ страшнымъ для меня предметомъ была исторія. Какъ теперь смотрю на эти три тома, переплетенные въ мраморную бумагу съ кожанымъ корешкомъ, и при воспоминаніи о нихъ даже морозъ пробѣгаетъ по тѣлу.

— Три тома!—разсуждали мы.—Сколько же накопится этихъ томовъ лѣтъ черезъ сто или двѣсти?

Занимался я не мало и чтеніемъ разныхъ литературныхъ произведеній. Я перечитывалъ то, что читалъ прежде и что рекомендовалъ намъ читать нашъ учитель, Егоръ Карловичъ Руммель, а произведенія болѣе новѣйшія мнѣ доставлялъ Ф. Е. Никольскій, управлявшій въ то время винокуреннымъ заводомъ Огарева. Грѣха

таить нечего,—пописывалъ иногда и самъ, и написалъ цѣлую повѣсть подъ названіемъ *Дядюшка и племянникъ* и небольшой разсказъ *Забытая усадьба*. Первое произведеніе мое, тщательно переписанное и сброшюрованное, какъ-то затерялось, а второе уцѣлѣло и, нѣсколько лѣтъ спустя, въ исправленномъ мною видѣ было напечатано когда-то въ *Русскомъ Вѣстникѣ*. Въ этомъ разсказѣ былъ мною описанъ нашъ старый буфетчикъ Захаръ Зотычъ, о которомъ я, кажется, вскользь упоминалъ.

Забытая усадьба была вторымъ моимъ произведеніемъ, удостоеннымъ печати, первымъ же была повѣсть *Пушиловскій регентъ*, въ которой я описалъ свою кузину Б.

По окончаніи каникулъ снова запрягался рыдванъ, и мы отправлялись обратно въ Пензу, съ тою только разницею, что тогда мы ѣхали не на наемныхъ лошадяхъ, а на собственныхъ своихъ четверикомъ и непремѣнно съ колокольчикомъ, привязаннымъ къ концу дышла. Но—увы!—настроеніе было уже не то, какъ тогда, когда мы покидали Пензу. Я сидѣлъ молча, размышляя о Смарагдовѣ, а братъ Александръ Александровичъ, оттрезвонивъ на колокольнѣ о. Ивана, даже и вниманія не обращалъ на другія колокольни, что встрѣчались намъ на пути.

IX.

Такъ или иначе проводились мною каникулы, а затѣмъ начиналось ученье въ гимназіи. Въ мое время гимназія не изобиловала количествомъ обучавшихся, такъ какъ дворяне отдавали своихъ дѣтей не въ гимназію, а въ дворянскій институтъ, который въ то время существовалъ въ Пензѣ, купечество же на дѣло образованія смотрѣло въ то время не совсѣмъ дружелюбно.

— Намъ не звѣзды на небѣ считать,—говорило оно.—Врядъ усмотрѣть за тѣмъ, что подъ носомъ есть, а наукамъ-то научишь, такъ, пожалуй, ни за прилавокъ не загонишь, ни аршинъ въ руки не всучишь.

Да, по правдѣ сказать, и сама тогдашняя молодежь не особенно хлопотала объ образованіи, не видя въ немъ ничего особо привлекательнаго. Служить не стоило того, такъ какъ жалованье было слишкомъ мизерно. Была и въ мое время молодежь, жаждавшая науки не ради корыстныхъ цѣлей, стремившаяся къ чему-то возвышенному, идеальному, но такихъ было немного, да и смотрѣли на нихъ тогда совсѣмъ по-иному.

Поэтому ничего нѣтъ удивительнаго, что Пензенская гимназія

того времени почти пустовала: дворяне предпочитали институтъ, духовенство—семинарію, а купечество какъ-то совсѣмъ сторонилось. Оставались, значитъ, дѣти мѣщанъ да чиновниковъ.

Въ мое время, когда я былъ въ пятомъ классѣ, насъ было всего пять человѣкъ, такъ что въ классѣ у насъ, очень маленькой комнатѣ, съ окномъ, выходившимъ на дворъ, стояла всего-навсего одна парта да учительская каѳедра.

Дворянскій институтъ, который теперь, кажется, уничтоженъ, помѣщался на краю города, противъ, такъ называемаго, Верхняго Гулянья, въ очень красивой мѣстности, и примыкалъ къ засѣкѣ (такъ назывался порубленный дубовый лѣсъ). Это было большое и красивое зданіе въ нѣсколько этажей, въ которомъ и жили воспитанники. Сравнительно съ нашей гимназіей, деревяннымъ одноэтажнымъ домикомъ, дворянскій институтъ смотрѣлъ какъ бы дворцомъ: тамъ были обширные и свѣтлые классы, громадный свѣтлый коридоръ, рекреаціонная зала, библіотека и большой физическій кабинетъ, тогда какъ у насъ все это было въ самомъ мизерномъ видѣ, а рекреаціонный залъ замѣнялся большимъ дворомъ, куда насъ и выпускали во время перемѣны и зимой, и лѣтомъ. Дѣло прошлое, мы съ завистью смотрѣли и на зданіе института, и на воспитанниковъ его. Помнится мнѣ, что въ то время директоромъ этого института былъ нѣкто П., прежде бывшій директоромъ Пензенской гимназіи, тотъ самый господинъ П., при которомъ былъ исключенъ изъ гимназіи за неспособность В. Г. Бѣлинскій.

Это былъ старичокъ небольшого роста, съ румянымъ добродушнымъ лицомъ, лысенькій и съ довольно толстымъ брюшкомъ. Ходилъ онъ съ перевалочкой, по-утиному, и торопливо, словно всегда куда-то спѣшилъ. Въ институтѣ, впрочемъ, онъ не долго былъ директоромъ и, помнится мнѣ, умеръ, а на его мѣсто поступилъ нѣкто Алексѣй Андреевичъ Мейеръ, впослѣдствіи перешедшій въ гимназію и наводившій на насъ всѣхъ великій страхъ.

X.

О матеріальномъ положеніи нашихъ дѣлъ мы съ братомъ, Александромъ Александровичемъ, ничего не знали, такъ какъ мать, считая насъ за дѣтей, никогда съ нами о дѣлахъ не говорила. Мы каждый день пили чай, обѣдали, ужинали, держали пару лошадей, а потому и были вполнѣ увѣрены, что все обстоитъ благополучно и что впереди намъ ничего не грозитъ. Меня только удивляло, почему это такъ часто ходитъ къ намъ квартальный и почему каж-

дый разъ мать встрѣчала его съ какою-то тревогой, а потомъ глаза ея были всегда какъ будто заплаканы.

Какъ теперь смотрю я на этого квартальнаго. Это была очень маленькая, невзрачная фигурка. Являлся онъ къ намъ всегда въ мундирѣ и со шпагой, которая, благодаря его малому росту, почти волочилась по полу, почему мы и прозвали его квартальнымъ, привѣшаннымъ къ шпагѣ. Бесѣды матери съ этимъ квартальнымъ велись всегда почему-то при закрытыхъ дверяхъ, а провожая его, мать обыкновенно говорила:

— Пожалуйста, подождите!... На-дняхъ я жду приказчика изъ деревни: вѣроятно, онъ продастъ хлѣбъ, и тогда я расплачусь съ вами.

— И радъ бы радостью, сударыня, да бумажка-то эта у меня давно безъ движенія лежитъ, а вѣдь нашему брату за это нагоняй бываетъ.

А мать спѣшила успокоить его:

— Не безпокойтесь — говорила она — никакого нагоняя не будетъ. Я объ этомъ буду просить кого слѣдуетъ.

— Да, ужъ пожалуйста,—говорилъ квартальный,—попросите... Я человѣкъ семейный: жена, дѣти, мать-старуха. Сохрани Господи, со службы прогонятъ,—безъ куска хлѣба останусь...

И квартальный уходилъ, а мать была обыкновенно цѣлый день не въ духѣ.

Послѣ подобныхъ посѣщеній мать отправлялась зачѣмъ-то либо къ губернатору, либо къ полицеймейстеру, либо къ Варварѣ Николаевнѣ Охлебениной (родной сестрѣ писателя М. Н. Загоскина). Но зачѣмъ именно она ѣздила къ нимъ,—для насъ было тайной.

Ожиданіе изъ деревни приказчика Никиты Григорьевича всегда очень тревожило мать.

— Удивительно,—говорила она,—почему онъ до сихъ поръ не ѣдетъ... Понять не могу.

За то, когда Никита Григорьевичъ являлся, то мать выбѣгала къ нему навстрѣчу чуть не на крыльцо.

— Ну, что, какъ? Все благополучно?

— Ничего... Все слава Богу-съ,—говорилъ обыкновенно Никита Григорьевичъ, прикладываясь къ ручкѣ. — Привезъ вамъ и утокъ, и гусей, и куръ, и маслица, и яичекъ...

— А денегъ?—тревожно спрашивала мать.

— Привезъ, сударыня, только немного-съ.

— А сколько?

— Рубликовъ сто.

Мать обыкновенно блѣднѣла и съ ужасомъ всплескивала руками.

— Что же мнѣ дѣлать съ этими деньгами?—говорила она,— когда мнѣ до зарѣзу нужно тысячу рублей... Понимаешь ли ты это?

Никита Григорьевичъ видимо понималъ все это очень хорошо, но молчалъ и только хлопалъ глазами.

— Что же ты молчишь-то? — приставала къ нему мать. — Хлѣбъ продалъ?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Почему же?

— Не молоченъ-съ.

— Что же ты дѣлалъ все это время?—удивлялась мать.

— Ничего не дѣлалъ, — отвѣчалъ Никита Григорьевичъ: — развѣ не изволите знать, какая осень-то стояла... Вѣдь насъ совсѣмъ дожди-то залили. Какъ же я въ дождикъ-то молотить начну? Поэтому и сидѣлъ, сложа руки.

Надо вамъ сказать, что въ описываемое время о молотилкахъ не имѣли понятія, а потому молотьба производилась цѣпами. Молотьба продолжалась всю зиму, а такъ какъ сыромолотый хлѣбъ покупался неохотно, то обыкновенно устраивались риги съ печами, въ которыхъ и просушивался хлѣбъ, поступавшій въ молотьбу. Въ ригу вмѣщалось обыкновенно телѣгъ сорокъ или пятьдесятъ, а потому и можете судить, какъ долго продолжалась молотьба.

— Какъ же мнѣ быть, какъ же мнѣ быть?—повторяла мать.

А Никита Григорьевичъ снова начиналъ расписывать дожди и непогодь. Вскорѣ по пріѣздѣ Никиты Григорьевича являлся обыкновенно и квартальный, «привѣшанный къ шпагѣ», и опять секретные, тревожные разговоры, и опять разсказы квартальнаго о томъ, что у него жена, дѣти, мать... И опять мать отправлялась то къ губернатору, то къ Олферьеву, то къ Охлебениной. А дожди между тѣмъ все лили да лили...

Иногда мать уѣзжала въ деревню, не довѣряя словамъ Никиты Григорьевича, и, успѣвъ у кого-нибудь перехватить денегъ, возвращалась въ Пензу болѣе спокойною. Но спокойствіе это продолжалось не долго. Являлся обыкновенно квартальный и деньги куда-то исчезали, а квартальный, веселый и довольный, на этотъ разъ не упоминалъ уже ни о женѣ, ни о дѣтяхъ.

Изо всего этого я началъ догадываться, что дѣла наши не въ особенно блестящемъ положеніи, и что ежели мы и пьемъ ежедневно чай и ежедневно обѣдаемъ и ужинаемъ, то это не значило еще, что дѣла наши въ порядкѣ.

Въ это самое время почему-то перемѣнился мой опекунъ и вмѣсто Алексѣя Алексѣевича Тучкова намъ назначенъ былъ въ опекуны нѣкто господинъ Коноваловъ, зять генерала Юшкова. Опекуна этого я, впрочемъ, видѣлъ всего раза два или три, не больше, знаю только, что это былъ великій борзятникъ, державшій псовую охоту, даже живя въ Пензѣ.

Нельзя назвать особенно покойнымъ и пребываніе наше въ деревнѣ во время лѣтнихъ каникулъ. Въ Пензѣ донималъ насъ квартальный, «привѣшанный къ шпагѣ», а въ деревнѣ становой приставъ Барычевъ, о которомъ я уже говорилъ.

И вотъ во время этихъ-то лѣтнихъ каникулъ насъ постигло страшное горе, послужившее началомъ нашего полнѣйшаго разоренія. Какого именно числа случилось это, я не помню, но помню, что хлѣбъ былъ уже убранъ и весь свезенъ на гумна. Вдругъ раздался набатъ. Мы выбѣжали изъ дому—и нашимъ глазамъ представилось страшное зрѣлище: все село Никольское было объято пламенемъ и черный, какъ сажа, дымъ застилалъ всю окрестность.

— Пожаръ!... пожаръ!—кричалъ повсюду народъ, спѣшившій на мѣсто пожара.

Мать, выбѣжавшая на крыльцо, при видѣ этой картины, упала безъ чувствъ на ступени крыльца, а потомъ свалилась на землю. Ее поспѣшили отнести въ домъ, а я побѣжалъ по направленію къ селу. Никакихъ пожарныхъ инструментовъ, конечно, не было. Бывшій на пожарѣ народъ исключительно хлопоталъ только о спасеніи своего имущества. Онъ съ воплемъ и крикомъ вытаскивалъ изъ горѣвшихъ избъ разный домашній скарбъ и ему некогда было думать о прекращеніи пожара, да и немыслимо было прекратить его, ибо страшный вѣтеръ, словно съ остервенѣніемъ, разбрасывалъ по сторонамъ горѣвшіе пучки соломы, подхватывалъ эти пучки и далеко-далеко уносилъ ихъ.

— Гумна, гумна горятъ!—послышался чей-то крикъ.

Я посмотрѣлъ въ сторону гуменъ, и сердце мое облилось кровью: всѣ крестьянскія гумна, плотно заставленныя одоньями хлѣба, словно слились съ горѣвшимъ селомъ. Жаръ былъ такъ палящъ, что весь народъ, безпорядочно суетившійся вокругъ своихъ избъ, какъ одинъ человѣкъ, отхлынулъ отъ мѣста пожара и поспѣшилъ спасать собственную свою жизнь. Пожаръ продолжался всего сорокъ минутъ, и село Никольское, состоявшее дворовъ изъ сотни, черезъ сорокъ минутъ уже не существовало: сгорѣли всѣ гумна, въ томъ числѣ и наши, все крестьянское имущество, вытащенное на улицу, и нѣсколько человѣкъ крестьянъ.

Когда села уже не существовало, явились и пожарныя трубы съ винокуреннаго завода Огарева и съ чугуннаго завода Манухина, но трубамъ этимъ работать въ селѣ Никольскомъ было уже нечего; за то имъ пришлось поработать въ казенномъ лѣсу, примыкавшемъ къ нашему селу, въ который забрался ненасытный огонь.

Когда я воротился домой, то увидалъ мать, заливавшуюся слезами, а возлѣ нея сидѣлъ нашъ приходскій священникъ, Петръ Сергѣевичъ Охотскій.

— Не плачьте, кума,—утѣшалъ онъ.—Какъ вамъ не грѣшно? Господь Богъ любя наказуетъ... Вѣдь послѣ этого самаго пожара вы разбогатѣете!—горячился онъ, ударяя себя кулакомъ въ грудь.—Повѣрьте, разбогатѣете... Только вотъ что прикажите сдѣлать: прикажите собрать всю эту золу и удобрите ею поля...

Отецъ Охотскій говорилъ это съ такимъ убѣжденіемъ и такъ горячо, что, кажется, самъ глубоко вѣрилъ въ справедливость своихъ словъ.

Однако, мы не разбогатѣли и все это кончилось тѣмъ, что намъ не съ чѣмъ было выѣхать въ Пензу, почему мнѣ и не удалось кончить курсъ въ гимназіи.

Есть пословица: «придетъ бѣда—растворяй ворота»—и, дѣйствительно, такая бѣда пришла: не съ чѣмъ было выѣхать въ Пензу, нечѣмъ было и заплатить проценты въ опекунскій совѣтъ, въ которомъ имѣніе наше было заложено. Имѣніе было назначено къ публичной продажѣ. И вотъ мать, собравъ кое-какія деньжонки, поскакала сперва въ Нижній-Новгородъ, гдѣ служилъ въ то время ея братъ, Евстратій Юрьевичъ Бибиковъ, а затѣмъ къ роднымъ въ Москву, разсчитывая съ ихъ стороны на матеріальную поддержку; но ни въ Нижнемъ, ни въ Москвѣ таковой, конечно, не нашла, и наше родное село Никольское въ ту же зиму было продано съ аукціоннаго торга, и мы остались, какъ говорится, «крыты небомъ и обнесены свѣтомъ».

XI.

Когда мы оставляли Никольское, никто даже не подозрѣвалъ, что мы оставляемъ его навсегда. Это весьма понятно, такъ какъ въ то время газеты еще не были распространены и имѣнія, назначенныя въ продажу, такъ и продавались втихомолку. Да и мало кто интересовался этимъ. Мать передъ отъѣздомъ отслужила паннихиду на могилѣ отца, завязала въ платокъ горсточку земли съ этой могилы, а потомъ отслужила въ церкви напутственный молебенъ. Собралась

дворня проводить насъ, перецѣловалась со всѣми нами и пожелала благополучнаго пути и скорѣйшаго возвращенія. Въ качествѣ прислуги мать взяла съ собою горничную Аришу и ея родного брата, Алексѣя Чугунова.

Мы выѣхали изъ Никольскаго недѣли за двѣ до его продажи. Мать все на что-то надѣялась и почему-то полагала, что продажа будетъ отсрочена.

Въ Москвѣ мы остановились въ гостиницѣ Шевалдышева. Пріѣхали мы въ Москву ночью, а на утро мать отправилась къ своей двоюродной сестрѣ, Маріѣ Гавриловнѣ Дюклу, урожденной Бибиковой. Дюклу въ то время былъ управляющимъ московскаго коммерческаго банка, помѣщавшагося на Никитскомъ бульварѣ. Отъ этой-то госпожи Дюклу мать впервые и узнала о продажѣ Никольскаго и о томъ, что отъ этой продажи намъ осталось сколько-то тысячъ. Это нѣсколько успокоило мать, и она порѣшила немедленно ѣхать въ Петербургъ и купить тамъ маленькое имѣньице: «un petit pied à terre»,—какъ она выражалась.

Получивъ печальное извѣстіе о продажѣ имѣнія, которое, оказалось, было куплено врачомъ Лапчинскимъ, намъ волей-неволей пришлось разставаться съ своей прислугой, отпустить ее домой и замѣнить наемной. Проживъ нѣкоторое время въ Москвѣ, мы отправились въ Петербургъ, гдѣ и наняли себѣ маленькую квартирку на Пескахъ въ 7-й линіи.

Такъ какъ дѣло это происходило въ 1854 году, т.-е. во время Крымской кампаніи, то нечего и говорить, что весь Петербургъ только и говорилъ объ этой войнѣ, грозившей принять громадные размѣры. Въ газетахъ того времени о войнѣ этой писалось очень мало; только изрѣдка помѣщались какія-нибудь маленькія извѣстія о нашихъ громадныхъ успѣхахъ. Въ числѣ такихъ-то извѣстій было сообщено о Синопскомъ сраженіи и о сожженіи нами турецкой флотиліи. Извѣстіе это было встрѣчено въ Петербургѣ съ величайшимъ восторгомъ. Вывѣшиваніе флаговъ въ то время не практиковалось, но за то народъ буквально затоплялъ весь Невскій проспектъ, всю набережную и всю площадь передъ Зимнимъ дворцомъ. Ликованію не было конца, а вечеромъ весь городъ былъ иллюминованъ плошками. По случаю этой побѣды государь императоръ Николай Павловичъ заказалъ Н. В. Кукольнику сочинить драматическое представленіе, каковое и поставить на Александринской сценѣ. Кукольникъ въ нѣсколько дней написалъ пьесу, назвавъ ее «Битва при Синопѣ». На первомъ ея представленіи былъ и я. Спектакль вышелъ грандіозный. Театръ былъ освѣщенъ a giorno. Присутство-

вала вся царская фамилія. Ложи были переполнены петербургскимъ beau monde'омъ, а партеръ сановниками въ лентахъ и звѣздахъ.

Въ чемъ состояла пьеса, я хорошенько не помню, помню только что она кончалась сномъ какого-то моряка, увидавшаго во снѣ Синопское сраженіе, завершившееся взрывомъ турецкой флотиліи. Вотъ этотъ-то сонъ и былъ изображенъ живой картиной. Все это вышло очень эффектно и громъ рукоплесканій буквально потрясалъ театръ. Произошло даже что-то хаотическое: оркестръ игралъ народный гимнъ, а публика волновалась, какъ море, и кричала ура. Изъ царской ложи послышалось: «автора», публика подхватила это, и вся зала наполнилась единымъ крикомъ: «автора». Н. В. Кукольника видѣть мнѣ не удавалось, но я зналъ его по портрету, помѣщенному въ книгѣ «Сто русскихъ литераторовъ». Тамъ на портретѣ онъ былъ изображенъ еще очень молодымъ человѣкомъ, блѣднымъ, со впалыми щеками, длинными волосами и крайне поэтичнымъ лицомъ. И вотъ, когда принялись вызывать автора, я глазъ не сводилъ съ той ложи, гдѣ онъ долженъ былъ появиться, и заранѣе восхищался удовольствіемъ увидѣть его не на портретѣ, а въ дѣйствительности. И вдругъ, каково было мое разочарованіе, когда я увидалъ мужчину лѣтъ сорока-пятидесяти, одѣтаго въ форменный вицъ-мундиръ чиновника, обрюзглаго, съ одутловатымъ лицомъ и съ волосами, зачесанными на виски, какъ зачесывали тогда волоса мелкіе чиновники.

«Нѣтъ, это не Кукольникъ,—думалъ я.—Это просто какой-нибудь театральный чиновникъ, вышедшій объявить, что автора въ театрѣ нѣтъ».

Но когда чиновникъ этотъ началъ раскланиваться, а публика апплодировать ему, а главное, когда минуту спустя, этотъ же самый чиновникъ съ зачесанными височками показался въ царской ложѣ и когда государь милостиво протянулъ ему руку, которую тотъ не замедлилъ поцѣловать, я убѣдился, наконецъ, что то былъ, дѣйствительно, Кукольникъ.

Въ это же время произошелъ въ Петербургѣ слѣдующій казусъ, надѣлавшій очень много шума и толковъ. Обнаружилась растрата въ кассѣ инвалидовъ (достовѣрно не знаю, какъ называлось это учрежденіе). Главное начальство надъ этой кассой былъ генералъ П., весьма заслуженный старикъ, увѣшенный орденами. Петербургъ не хотѣлъ тогда вѣрить, чтобы растрату эту совершилъ этотъ П., котораго всѣ уважали и въ домѣ котораго былъ весь Петербургъ. Однако, это было такъ. И когда генералъ П. узналъ, что растрата обнаружена, то онъ немедленно отравился, не будучи въ

силахъ пережить позора. Онъ лежалъ уже мертвымъ на столѣ, когда послѣдовало высочайшее повелѣніе о лишеніи его всѣхъ чиновъ и орденовъ и объ описи его имѣнія, что и было приведено въ исполненіе уже надъ трупомъ генерала П. На похоронахъ этого генерала, кромѣ его семьи, не было никого, а на слѣдующій день роскошное помѣщеніе его наполнилось разношерстной публикой, нахлынувшей покупать движимое имущество, назначенное къ публичной продажѣ.

Я уже говорилъ, кажется, что въ то время министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ двоюродный братъ матери Дмитрій Гавриловичъ Бибиковъ. И вотъ на него-то мать и разсчитывала, при опредѣленіи насъ съ братомъ на службу. Мы съ матерью нѣсколько разъ бывали у этого Бибикова и онъ всегда радушно и ласково принималъ насъ. Съ матерью онъ былъ на ты и, увидавъ ее, всегда обнималъ одною рукой, такъ какъ другую потерялъ въ Бородинскомъ сраженіи. Однако, добродушные пріемы эти кончились только тѣмъ, что Бибиковъ посовѣтовалъ матери поселиться въ Москвѣ, гдѣ и климатъ лучше Петербургскаго, и имѣніе купить выгоднѣе и въ то же время обѣщалъ написать письмо тамошнему губернатору Капнисту, чтобъ онъ принялъ меня къ себѣ на службу.

Поселились мы въ Москвѣ, на Пречистенкѣ, въ домѣ Бородинскаго подворья. Послѣ продажи имѣнія сколько-то осталось у матери денегъ. И вотъ на эти-то остатки мать и купила небольшое подмосковное имѣньице, сельцо Владиміровку. Имѣньице это было Подольскаго уѣзда, Московской губерніи, и отстояло отъ Москвы верстахъ въ пятидесяти и верстахъ въ двадцати отъ уѣзднаго города Подольска. Въ подмосковной этой, сколько мнѣ помнится, было десятинъ полтораста-двѣсти, и сравнительно съ Никольскимъ, въ которомъ было десятинъ тысяча, она казалась намъ жалкимъ лоскутикомъ. Мать, однако, очень утѣшалась этой покупкой. Она выстроила тамъ небольшой домикъ и принялась за хозяйство, развела передъ домомъ палисадничекъ и называла этотъ клочокъ земли caisse anglaise. Она тамъ проводила все лѣто, а приказчикомъ у нея былъ нѣкто Петръ Мизнявъ, онъ же былъ и кучеръ, и лакей, и даже поваръ,— словомъ, на всѣ руки.

Иногда пріѣзжалъ во Владиміровку и я, но такъ какъ я состоялъ уже на службѣ при губернаторѣ Капнистѣ, то отлучаться на продолжительное время мнѣ было неудобно.

Во Владиміровкѣ былъ небольшой березовый лѣсокъ, въ которомъ я и охотился, бывало, съ ружьемъ по зайцамъ. Но послѣ той охоты и послѣ тѣхъ мѣстъ, переполненныхъ дичью, какія имѣлись

въ Никольскомъ, мѣста во Владиміровкѣ казались мнѣ столь жалкими, что я даже бросилъ охотиться.

Братъ Александръ Александровичъ тоже состоялъ на службѣ въ московской казенной палатѣ и получалъ жалованья въ мѣсяцъ пять рублей; немногимъ больше получалъ и я, но такъ какъ мнѣ давались кое-какія порученія, то, помимо жалованья, во время исполненія этихъ порученій, я получалъ суточныхъ копеекъ по сорока.

Покойный губернаторъ Капнистъ былъ человѣкъ высокаго ума и безукоризненной честности, но крайне довѣрчивый и, благодаря этой довѣрчивости, ему и пришлось потерять свое мѣсто. Случилось это въ Крымскую кампанію, когда всѣ губерніи отправляли ратниковъ, которыхъ и должны были вполнѣ обмундировать. Капнистъ былъ назначенъ сенаторомъ въ Петербургъ, а на его мѣсто генералъ-майоръ Николай Петровичъ Синельниковъ.

Итакъ, мы вдвоемъ съ братомъ получали очень мизерное жалованье; вѣроятно и сельцо Владиміровка давало мизерные доходы, почему и нѣтъ ничего удивительнаго, что мы жили на брошечной квартиркѣ, состоявшей изъ трехъ маленькихъ комнатъ, считая въ томъ числѣ и переднюю.

XII.

Одновременно со мной служили въ канцеляріи губернатора Владиміръ Ивановичъ Родиславскій, Ѳедоръ Максимовичъ Рудневъ, Петръ Николаевичъ Баташовъ. Независимо отъ службы, Родиславскій занимался переводами французскихъ мелодрамъ, бывшихъ тогда въ большой модѣ; Рудневъ, въ сотрудничествѣ съ К. А. Тарновскимъ, переводилъ водевили, Баташовъ также. Всѣ эти господа были въ то время извѣстны въ театральномъ мірѣ и составили себѣ имя. Въ среду этихъ-то молодыхъ людей попалъ и я и въ сотрудничествѣ съ В. И. Родиславскимъ тоже принялся за переводы французскихъ мелодрамъ. Первая моя переводная пьеса, драма въ пяти дѣйствіяхъ *Нищая,* была поставлена на Императорской сценѣ въ Москвѣ въ 1854 году, за нее мы съ Родиславскимъ получили единовременнаго вознагражденія 500 руб. серебромъ.

Спектакль этотъ я отлично помню, а равно и то волненіе, которое я испытывалъ и до и во время спектакля. Я уже сказалъ, что французскія мелодрамы были въ то время въ большомъ ходу, а потому, въ ожиданіи, что публика будетъ вызывать переводчиковъ, мы съ Родиславскимъ тщательно завились и раздушились. Между прочимъ, во время этого спектакля случился со мной слѣдующій казусъ:

Главную роль въ пьесѣ исполняла г-жа Рыкалова. Во время какого-то дѣйствія у нея свалился локонъ и упалъ какъ разъ у той кулисы, у которой я стоялъ; ничтоже сумняшеся, я поднялъ этотъ локонъ и собрался было выскочить на сцену, чтобы подать его Рыкаловой, но стоявшій около меня Родиславскій успѣлъ какъ-то поймать меня за фалду и не далъ мнѣ привести въ исполненіе мое рѣшеніе.

Наконецъ драма кончилась и раздались апплодисменты и вызовы переводчиковъ. Въ то время вызываемые авторы и переводчики выходили не на сцену, какъ теперь, а въ директорскую ложу. И вотъ, заслышавъ вызовы переводчиковъ, мы съ Родиславскимъ, взволнованные и чуть переводя дыханіе, вышли въ директорскую ложу и, чуть не скрестивъ на груди руки, принялись раскланиваться съ публикой.

Послѣ драмы *Нищая* шелъ какой-то водевиль, гдѣ участвовалъ Живокини. У Живокини была такая фраза: «Эхъ ты, нищая!»—съ которой онъ долженъ былъ обратиться къ одному изъ дѣйствующихъ лицъ, но Живокини ее измѣнилъ и проговорилъ такъ: «Эхъ ты, нищая, драма въ пяти дѣйствіяхъ!» Въ залѣ послышался хохотъ, апплодисменты, а меня эта фраза словно ножомъ по сердцу полоснула, такъ что я долгое время не могъ простить Живокини эту шутку.

Затѣмъ въ сотрудничествѣ съ тѣмъ же Родиславскимъ я перевелъ мелодраму Аниссе Буржуа и Мишеля Масона *Слѣпой*. Въ какомъ именно году шла эта мелодрама, я не помню, помню только, что въ ту же самую зиму, когда шла драма Островскаго *Гроза*. Участвовали въ *Слѣпомъ* И. В. Самаринъ, Шумскій и Н. М. Медвѣдева (Н. М. Медвѣдева и до сихъ поръ еще состоитъ на службѣ при Московскомъ Императорскомъ театрѣ). Драма эта шла въ бенефисъ Самарина и имѣла значительный успѣхъ. Насъ опять вызывали, и мы съ Родиславскимъ выходили раскланиваться съ публикой. Драма эта, какъ видно изъ разсчетныхъ листовъ, получаемыхъ мною изъ правленія о-ва драматическихъ писателей и композиторовъ, до сихъ поръ дается въ провинціи и приноситъ мнѣ извѣстный доходъ.

Кстати объ этомъ обществѣ. Въ описываемое время русскіе писатели вообще получали нищенское вознагражденіе, а драматическіе не получали и этого. Драматическимъ писателямъ платили только Императорскіе театры, частные же театры и провинціальные не платили ни гроша. Они ставили себѣ пьесы, разыгрывали ихъ, получали съ нихъ доходы, а о вознагражденіи авторовъ въ какомъ

бы то ни было размѣрѣ даже и думать не хотѣли. И вотъ В. И. Родиславскому пришла мысль улучшить положеніе драматическихъ писателей. Онъ написалъ уставъ общества драматическихъ писателей и композиторовъ, прочиталъ этотъ уставъ А. Н. Островскому и др. писателямъ и дѣло кончилось тѣмъ, что всѣ принялись хлопотать объ этомъ дѣлѣ, уставъ былъ Высочайше утвержденъ, и съ тѣхъ поръ въ Москвѣ существуетъ правленіе о-ва драматическихъ писателей и композиторовъ. Предсѣдателемъ этого о-ва былъ единогласно избранъ иниціаторъ этого дѣла, В. И. Родиславскій. Въ описываемое время въ Парижѣ издавалось театральное изданіе подъ названіемъ *Théâtre contemporain*. Вотъ изъ этого-то изданія переводчики и почерпали болѣе нравившіяся имъ пьесы, которыя и переводили.

Постановка пьесы на Императорскій театръ обусловливалась въ то время совсѣмъ иными порядками, чѣмъ теперь. Въ мое время въ московской дирекціи былъ инспекторомъ репертуара Александръ Александровичъ Пороховщиковъ. Этому-то Пороховщикову представлялась пьеса, онъ ее просматривалъ, и ежели пьеса ему нравилась, то представлялъ таковую при своемъ мнѣніи въ дирекцію Императорскихъ театровъ въ Петербургъ. Разсматривалась ли пьеса въ Петербургѣ—я не знаю, но только помню, что всѣ представленія Пороховщикова одабривались и дирекціей. Директоромъ въ то время былъ Гедеоновъ, а секретаремъ его нѣкто Евгеній Макаровичъ Семеновъ, который, кажется, и былъ вершителемъ этого дѣла. Впрочемъ, я лично никогда не занимался хлопотами о постановкѣ своихъ пьесъ на Императорскую сцену, всецѣло поручивъ это дѣло Родиславскому. Онъ подавалъ куда слѣдуетъ прошенія, ѣздилъ даже раза два въ Петербургъ, я же ограничивался только однимъ А. А. Пороховщиковымъ, съ которымъ былъ знакомъ, у котораго часто бывалъ и съ которымъ почти каждый вечеръ встрѣчался въ Маломъ театрѣ.

Однако нелишнимъ считаю сказать нѣсколько словъ объ исполненіи этихъ переводныхъ пьесъ на русской сценѣ. Драму *L'Aveugle* я впервые видѣлъ на французскомъ Михайловскомъ театрѣ въ Петербургѣ и пришелъ въ неописанный восторгъ какъ отъ самой пьесы, такъ и отъ ея исполненія. На слѣдующій же день я пріобрѣлъ эту пьесу, а возвратясь въ Москву, принялся переводить ее въ сотрудничествѣ съ Родиславскимъ. Послѣ я видѣлъ эту пьесу на Московскомъ Маломъ театрѣ. Я называлъ уже исполнителей главныхъ ролей. Это были тогдашнія свѣтила театральнаго искусства. Въ Петербургѣ эта пьеса шла при слѣдующемъ составѣ:

«Слѣпого» игралъ Максимовъ 1-й, а роль горбатаго доктора Дорси—Самойловъ, тоже свѣтило петербургской сцены. Но, тѣмъ не менѣе, какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ исполненіе, по сравненію съ французскими артистами, показалось мнѣ крайне слабымъ: не тотъ ансамбль, не та обстановка и вообще не то впечатлѣніе.

Недавно какъ-то я разговорился съ однимъ изъ провинціальныхъ артистовъ про тѣ времена, когда на московской сценѣ фигурировали такіе громадные таланты, какъ Щепкинъ, Шумскій, Самаринъ, П. М. Садовскій и др. и удивлялся отсутствію въ наше время такихъ же могучихъ талантовъ.

— Да полно, такъ ли?—говорилъ артистъ (прибавлю, что артистъ весьма талантливый и опытный). — Да полно, такъ ли? Не виновато ли въ этомъ время и сама публика, значительно воспитавшаяся и выросшая съ тѣхъ поръ. Мнѣ думается,— продолжалъ онъ,— что еслибы воскресли теперь умершіе гиганты и заговорили бы на сценѣ теперь, при настоящей публикѣ, то, пожалуй, они оказались бы слабѣе насъ.

Въ словахъ этого артиста есть доля правды, но я, напримѣръ, видѣлъ въ Фамусовѣ Щепкина и въ той же роли того самаго актера, о которомъ я сейчасъ говорю. Дѣло происходило за кулисами и актеръ былъ даже въ халатѣ Фамусова, но—Боже мой! —какая разница между нимъ и Щепкинымъ. Точно также послѣ Самарина я не видалъ Чацкаго, а послѣ Шумскаго не видалъ Хлестакова, хотя перевидалъ и пропасть актеровъ въ этихъ роляхъ.

XIII.

Однако заниматься переводами французскихъ мелодрамъ мнѣ скоро надоѣло и все хотѣлось что-нибудь написать такое, что бы можно было помѣстить въ толстый журналъ. Въ Москвѣ въ то время издавался М. П. Погодинымъ журналъ *Москвитянинъ*. Съ Погодинымъ я былъ знакомъ, но его журналъ былъ чисто-славянофильскій и попасть туда мнѣ не удалось. И вотъ вдругъ, словно на мое счастье, возникъ въ Москвѣ новый журналъ, *Русскій Вѣстникъ*, подъ редакціей Каткова. Журналъ этотъ сразу сталъ на твердую почву и пріобрѣлъ массу подписчиковъ.

Съ М. Н. Катковымъ познакомился я совершенно случайнымъ образомъ. Онъ почти каждый день гулялъ по Пречистенскому бульвару, а мнѣ по этому же бульвару приходилось проходить въ канцелярію губернатора, которая помѣщалась при квартирѣ губерна-

тора, на Тверской. Я же квартировалъ тогда на Пречистенкѣ, во Всеволодскомъ переулкѣ, во флигелѣ при домѣ Савенкова. Отъ губернатора эта квартира была довольно далеко, такъ что мнѣ приходилось проходить часть Пречистенки, Пречистенскій бульваръ, Арбатскую площадь, Никитскій бульваръ, Тверской бульваръ и часть Тверской улицы; но тогда я былъ очень молодъ, ноги у меня были здоровыя и переходъ этотъ казался мнѣ прогулкой и совершалъ я его съ большимъ удовольствіемъ. И вотъ однажды, когда я сидѣлъ на скамеечкѣ Пречистенскаго бульвара, ко мнѣ подсѣлъ Катковъ. Въ лицо я его зналъ, но знакомъ съ нимъ не былъ. Тогда ему могло быть лѣтъ подъ сорокъ.

— А вы, вѣроятно, на службу идете, молодой человѣкъ?— обратился онъ ко мнѣ, посматривая на мой портфель.

Я отвѣтилъ утвердительно, а потомъ онъ спросилъ мою фамилію, а когда я назвалъ ему свою фамилію, онъ проговорилъ:

— Я слышалъ эту фамилію въ Пензѣ... Вы не пензенскій ли?

— Да, я родился въ Пензѣ.

— А гдѣ вы служите?

— У гражданскаго губернатора.

— У Ивана Васильевича Капниста?—замѣтилъ онъ.— Знаю, знаю, прекраснѣйшій человѣкъ. Я очень хорошо знакомъ съ нимъ. А въ портфелѣ у васъ бумаги, значитъ?—спросилъ онъ, улыбаясь.

У меня даже сердце замерло отъ восторга. Въ портфелѣ у меня дѣйствительно были бумаги, но въ то же время въ томъ же портфелѣ лежали и два разсказа, писанные мною еще въ Никольскомъ и о которыхъ я говорилъ вначалѣ моихъ воспоминаній. Меня такъ и подмывало сообщить объ этихъ разсказахъ Каткову, но я оробѣлъ и ничего ему про нихъ не сообщилъ.

Немного погодя, онъ раскланялся со мною и ушелъ.

Въ то время Катковъ, а равно и редакція *Русскаго Вѣстника* помѣщались въ Кисловскомъ переулкѣ, въ домѣ, ежели не ошибаюсь, Розенъ.

Это былъ небольшой каменный двухэтажный домъ, о пяти окнахъ, окрашенный бѣлою краской. Входъ къ Каткову былъ со двора.

Познакомившись съ Катковымъ, я возмечталъ воспользоваться этимъ и передать ему свои два разсказа. Съ этою цѣлью я чуть не каждый день отправлялся въ Кисловскій переулокъ съ твердымъ намѣреніемъ побывать у Каткова и передать ему свои разсказы. Но стоило только подойти къ дому Розенъ, какъ вся моя храбрость пропадала, и я откладывалъ свое посѣщеніе со дня на день. Нѣсколько разъ я даже всходилъ на крыльцо, брался за звонокъ, но

рука моя не поднималась, и я снова уходилъ ни съ чѣмъ. Однажды, когда я стоялъ на крыльцѣ, собираясь позвонить, дверь вдругъ отворилась, и на крыльцо вышелъ какой-то молодой человѣкъ съ толстой папиросой въ зубахъ. Увидалъ меня, онъ спросилъ:

— Вамъ кого угодно?

— Михаила Никифоровича,—отвѣтилъ я робко.

— Его дома нѣтъ, но, ежели вы имѣете какое-нибудь дѣло до редакціи, такъ я секретарь редакціи,—и затѣмъ, подавая мнѣ руку, прибавилъ:—Ардальонъ Васильевичъ Зименко.

Я познакомился съ нимъ и, скрѣпя сердце, передалъ ему разсказъ: *Пушиловскій регентъ*.

— Вы хотите помѣстить его въ *Русскій Вѣстникъ*?—спросилъ Зименко.

— Хотѣлось бы,—отвѣтилъ я, опуская глаза.

— Хорошо-съ, я передамъ его Михаилу Никифоровичу. А вы понавѣдайтесь недѣльки черезъ двѣ. Редакція у насъ помѣщается на антресоляхъ.

И онъ указалъ мнѣ на два крошечныхъ окошечка, обращенныхъ на дворъ.

— Я всегда сижу въ редакціи, а потому и обратитесь прямо ко мнѣ.

Я распростился съ Зименко и, словно на крыльяхъ, полетѣлъ домой. Я ждалъ съ нетерпѣніемъ, когда наступитъ время, назначенное мнѣ для полученія отвѣта. Наконецъ, двѣ недѣли прошли, и я отправился въ редакцію. Человѣкъ указалъ мнѣ ходъ въ редакцію, гдѣ я и встрѣтилъ Зименко.

Редакція *Русскаго Вѣстника* помѣщалась тогда въ маленькой и низенькой комнаткѣ, до того низенькой, что человѣкъ большого роста, думается мнѣ, не могъ бы установиться, не наклонивъ головы. Сверхъ того, секретарь, курившій крученыя папиросы, до того надымилъ въ этой комнаткѣ, что я очутился словно въ дымномъ облакѣ.

— Я за отвѣтомъ пришелъ,—проговорилъ я, съ замиравшимъ отъ волненія сердцемъ.

Секретарь посмотрѣлъ на меня своими выпуклыми большими глазами, пустилъ мнѣ въ глаза густую струю дыма и спросилъ:

— Ваша какъ фамилія?

Я сказалъ.

— Ахъ, да, помню!—проговорилъ Зименко. И, схвативъ со стола какую-то рукопись, прибавилъ:—*Пушиловскій регентъ*?—и, похлопывая по рукописи рукой, спросилъ:—Эта?

Сердце у меня замерло и у меня тотчасъ же мелькнуло въ головѣ, что разсказъ мой забракованъ. Но, минуту спустя, Зименко объявилъ мнѣ, что Катковъ не успѣлъ еще прочитать повѣсть и попросилъ меня зайти снова недѣльки черезъ двѣ.

Такъ проходилъ я мѣсяца два, и нетерпѣніе мое росло съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе.

Мѣсяца два спустя, я, какъ-то нечаянно, встрѣтился съ Зименкомъ на томъ же Пречистенскомъ бульварѣ.

— Ну что?—спросилъ я.

— Напечатанъ,—отвѣтилъ Зименко.

— Какъ? Когда?—спросилъ я, растерявшись.

— Въ послѣднемъ номерѣ.

Для приличія я кое о чемъ поговорилъ съ Зименкомъ, а затѣмъ, распростившись, чуть не бѣгомъ побѣжалъ въ книжный магазинъ Глазунова, помѣщавшійся тогда въ зданіи университета, на углу Никитской.

Тамъ я подписался на *Русскій Вѣстникъ*, забралъ съ собой послѣднюю книжку, гдѣ былъ напечатанъ *Пушиловскій регентъ*, и, какъ сумасшедшій, бросился домой.

Когда я прибѣжалъ домой, у насъ сидѣла наша знакомая, баронесса Прасковья Михайловна Ганъ. Я, конечно, прежде всего показалъ книгу, и когда Ганъ увидала мою фамилію, она раскрыла повѣсть и, прочитавъ заглавный листъ, прибавила:

— Ну, что бы вамъ посвятить эту повѣсть мнѣ?

— Я посвящу вамъ другую,—чуть не вскрикнулъ я. И, бросившись въ свою комнату, схватилъ разсказъ *Забытая усадьба* и торжественно въ присутствіи той же Ганъ надписалъ: «Посвящается баронессѣ П. М. Ганъ», а на другой день отнесъ этотъ разсказъ въ редакцію и передалъ Зименку.

Въ то время *Русскій Вѣстникъ* выходилъ два раза въ мѣсяцъ и, представьте мой восторгъ, когда въ слѣдующемъ мѣсяцѣ мой разсказъ *Забытая усадьба* былъ напечатанъ. Я посмотрѣлъ, напечатано ли посвященіе и, убѣдившись, что напечатано, побѣжалъ ужъ не домой, а къ баронессѣ Ганъ.

— Вотъ, извольте!—проговорилъ я, подавая ей книгу, за что и получилъ отъ нея поцѣлуй въ лобъ.

Въ описываемое время *Русскій Вѣстникъ* имѣлъ характеръ весьма либеральнаго журнала и въ немъ печатались *Губернскіе очерки* М. Е. Салтыкова. Салтыковъ въ то время довольно часто бывалъ въ Москвѣ и у Каткова. Вотъ тамъ-то и познакомился я съ Салтыковымъ. Тогда ему было лѣтъ около сорока. Это былъ худо-

щавый мужчина, немного выше средняго роста и отличавшійся веселостью и говорливостью. Часто бывая въ редакціи, мнѣ неоднократно случалось читать *Губернскіе очерки* въ рукописи и я отлично помню, что въ печати многое изъ написаннаго Салтыковымъ либо совсѣмъ выбрасывалось, либо исправлялось, потому что онъ не стѣснялся въ выраженіяхъ...

Въ той же редакціи познакомился я съ поэтомъ А. Н. Майковымъ. Тогда это былъ молодой человѣкъ съ прелестнымъ симпатичнымъ лицомъ и крайне общительный и любезный. Помню я, онъ только что написалъ тогда легенду о Констанцскомъ соборѣ, подъ названіемъ *Приговоръ*, которая и была напечатана въ *Русскомъ Вѣстникѣ*. И вотъ эту легенду онъ при мнѣ читалъ вслухъ и, надо сказать, что превосходно и вообще былъ удивительный чтецъ своихъ произведеній. Одновременно съ этимъ онъ прочиталъ и свое новое произведеніе *Нива*, которое тоже было напечатано въ *Русскомъ Вѣстникѣ*. Мнѣ приходилось слышать чтеніе многихъ тогдашнихъ литературныхъ свѣтилъ, въ числѣ которыхъ былъ и И. С. Тургеневъ, но лучше Майкова и Островскаго никто не читалъ.

Очень часто встрѣчалъ я въ редакціи извѣстнаго критика Аполлона Григорьева, который былъ съ Катковымъ, кажется, въ очень хорошихъ отношеніяхъ. А. Григорьевъ былъ мужчина высокаго роста, съ открытымъ, энергичнымъ лицомъ, съ длинными волосами, которые всегда забрасывалъ правой рукой назадъ, и съ рѣденькой бородкой. Говорилъ онъ всегда очень громко и сопровождалъ свои разговоры жестами и, ежели говорилъ сидя, то поминутно вскакивалъ съ своего мѣста, закидывалъ назадъ волосы и энергично принимался ходить изъ угла въ уголъ. Это былъ человѣкъ очень нервный, не допускавшій возраженій и горячо отстаивавшій свои мнѣнія, причемъ энергично ударялъ себя въ грудь и такъ близко подступалъ къ возражавшему, что тотъ невольно отступалъ отъ него. Мнѣ думается, что это былъ человѣкъ желчный, такъ какъ худое и блѣдное лицо его было покрыто какой-то желтизной и глаза всегда были желтые.

Однажды я пришелъ къ Каткову. Надо сказать, что въ то время Катковъ былъ очень общителенъ и охотно принималъ каждаго, имѣвшаго до него надобность. Узнавъ отъ человѣка, что Михаила Никифоровича нѣтъ дома, я спросилъ, не могу ли видѣть хоть Зименка.

— Ардальонъ Васильичъ тоже куда-то вышли, но они сію минуту вернутся.

Я прошелъ въ редакцію и увидалъ тамъ какого-то старичка, тоже, какъ видно, поджидавшаго Зименка. Старичокъ этотъ былъ крайне благообразнаго вида, чистенькій, гладко выбритый, лысенькій, съ рѣденькими волосами, зачесанными по-старинному и взятыми съ висковъ съ цѣлью прикрыть ими лысину. Старичокъ этотъ имѣлъ крайне ласковый и добродушный видъ, такъ и казалось, что вотъ-вотъ сейчасъ старичокъ этотъ скажетъ какое-нибудь ласковое слово. На немъ былъ стариннаго покроя фракъ, высокій галстухъ и стариннаго же покроя жилетъ, сверхъ котораго перевѣшивалась бисерная цѣпочка отъ часовъ. Въ рукахъ онъ держалъ какой-то довольно толстый свертокъ, а изъ-подъ фрачнаго лацкана скромно выглядывала звѣзда. Едва успѣлъ я съ нимъ раскланяться, какъ онъ, улыбаясь, спросилъ:

— Извините, молодой человѣкъ... Не служите ли вы при редакціи?

Я отвѣтилъ, что нѣтъ.

— Такая досада,—заговорилъ опять старичокъ, похлопывая рукописью и сверткомъ:—былъ у Михаила Никифоровича—нѣтъ его дома...

— Сію минуту придетъ секретарь редакціи, потрудитесь его подождать.

— Это вамъ лакей сказалъ... Онъ и мнѣ то же сказалъ, что сію минуту, однако, я здѣсь сижу болѣе получаса, а моего милѣйшаго Ардальона Васильевича все нѣтъ, какъ нѣтъ... Это мой хорошій пріятель, малый дѣйствительно славный, да вѣтерокъ въ головѣ попархиваетъ...—и старичокъ добродушно хихикнулъ.—Молодъ еще,—прибавилъ онъ,—а кто же не отдавалъ дани молодости!

— Не могу ли я быть вамъ полезнымъ?— спросилъ я старичка.—Мнѣ необходимо подождать Зименка и потому я могу съ удовольствіемъ передать ему ваше порученіе.

Старичокъ поспѣшилъ меня поблагодарить.

— Я хотѣлъ было передать вотъ эту рукопись,—заговорилъ онъ, причемъ развернулъ ее и я успѣлъ прочесть крупно написанное заглавіе: *Бирюзовый перстенекъ* (или *Бирюзовое колечко*, хорошенько не помню), и снова свернувъ рукопись, онъ прибавилъ:—Сегодня мнѣ недосугъ, но передайте Зименку, что завтра объ эту же пору я постараюсь быть либо у Михаила Никифоровича, либо у него...—и протянувъ мнѣ руку, онъ направился было къ двери.

— Виноватъ,— остановилъ я старичка: — а какъ объ васъ сказать?

— Иванъ Ивановичъ Лажечниковъ.

Это была первая и послѣдняя моя встрѣча съ авторомъ *Ледяного дома*, *Басурмана*, *Послѣдняго новика* и проч., такъ какъ вскорѣ послѣ того онъ умеръ.

Какая участь постигла *Бирюзовое колечко*, я тоже не знаю, ибо въ печати я нигдѣ не встрѣчалъ его.

Хозяйственною частью редакціи завѣдывалъ Леонтьевъ, тогдашній профессоръ. Это былъ человѣкъ крайне разсчетливый и съ педантической строгостью относившійся къ своему дѣлу. Онъ велъ всѣ расходы редакціи и каждая копейка у него записывалась въ памятную книжечку, которая всегда находилась при немъ въ карманѣ.

Надо сказать, что *Русскій Вѣстникъ* сразу пріобрѣлъ массу поклонниковъ и сумѣлъ уловить новыя вѣянія, которыми было объято тогдашнее общество. *Губернскіе очерки* Салтыкова читались нарасхватъ во всѣхъ слояхъ общества, и не было ни одного дома, гдѣ бы вы не встрѣтили *Русскаго Вѣстника*. Выхода книжки всѣ ждали съ нетерпѣніемъ, а болѣе рьяные читатели буквально осаждали книжные магазины Базунова и Глазунова.

Михаилъ Никифоровичъ Катковъ, дотолѣ неизвѣстный, вдругъ сдѣлался первой литературной величиной. Не прошло двухъ-трехъ лѣтъ, какъ редакція *Русскаго Вѣстника* оставила свою скромную квартирку въ Кисловскомъ переулкѣ и переѣхала въ одинъ изъ переулковъ Поварской, занявъ тамъ обширное помѣщеніе. Въ чьемъ именно домѣ помѣстилась редакція вмѣстѣ съ М. Н. Катковымъ—не помню, но помню, что гдѣ-то недалеко отъ Собачьей площадки. Входъ въ редакцію былъ уже не со двора, а прямо съ улицы, а кабинетъ М. Н. Каткова помѣщался въ просторной и свѣтлой комнатѣ, тоже обращенной окнами на улицу.

И. Саловъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).
